Убийство церемониймейстера

Автор:
Николай Свечин

Убийство церемониймейстера

Николай Свечин

Сыщик Его Величества #10

В Петербурге убит церемониймейстер Двора Его Императорского Величества! Неутомимый сыщик Алексей Лыков принимается за расследование этого громкого дела. На первый взгляд все кажется простым и понятным – убийство совершено с целью ограбления. Подозрение сразу же падает на пропавшего лакея. Но Лыков не спешит соглашаться с этой версией – очевидность улик слишком подозрительна. Распутывая клубок придворных интриг, сыщик понимает, что ограбление было лишь прикрытием…

Николай Свечин

Убийство церемониймейстера

© Свечин Н., текст, 2014

© Асадчева Е., иллюстрации, 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было

средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

От трех бывалых людей с ножами отбиться нельзя. От одного – трудно, но можно. Чтобы справиться с двумя, уже понадобится везение. А от троих помогут спастись лишь быстрые ноги. Вот Лыков и бежал. Он несся изо всех сил по Газовой, ругая себя мысленно разными неприличными словами. А за ним гнались три гайменника[1 - Гайменник – налетчик (жарг.). (Здесь и далее – примеч. автора.)] с финками и не собирались отставать.

Лыков летел к Геслеровскому переулку. Там на углу с Пудожской стоит городовой, он-то и спасет незадачливого атлета. Больше всего Алексей злился на себя за шапку. Вчера няня Наташа рассказала ему о горчишниках[2 - Горчишники – хулиганы.] на Газовой. Молодые наглые парни щипали женщин за задницу, а с мужчин срывали фуражки. Полиция боялась с ними связываться. Лыков решил проучить хулиганов и отправился туда сегодня в дорогой шляпе из стриженого бобра. Шляпа смотрелась странно в июньскую жару, зато была хорошей приманкой. Она-то и подвела надворного советника. Вместо хулиганов явились головорезы с Горячего поля. Привлеченные бобром, они теперь упрямо преследовали фраера[3 - Фраер – общее название жертвы (жарг.).]. Был бы Лыков в обычной шапке, от него уже отстали бы. Но такой барский картуз! Вот дурак-то… Сыщик хотел бросить головной убор, но было жалко денег, отданных за него в Варшаве. И он удирал, хотя холодок страха начал подтачивать силы.

Лыков выскочил на Пудожскую и обомлел. Вдали, на перекрестке, городового не наблюдалось! Ушел с поста? Запросто! Сыщику опять захотелось бросить шляпу, откупиться от преследователей. Но, как только он поглядел на них, припустил с новой силой. Ребята выглядели очень сердитыми: такие снимут бобра вместе с головой…

Тут сыщик наконец вспомнил про свисток. На ходу он вытащил его и дунул что было силы. Немедленно с Геслеровского донесся ответ. А через секунду из-за угла выскочили сразу двое дядек с шашками, и соотношение сил изменилось. Лыков развернулся к гайменникам. Те застыли как вкопанные в десяти саженях от него. «А у долговязого одышка», – подумал Алексей. И с запозданием

рассердился на себя. Он, георгиевский кавалер, словно заяц, драпал от этих харламов! А вот кто-то сейчас за это ответит! И Алексей ринулся в атаку.

Гайменники опешили от такой наглости и потеряли драгоценные две секунды. Пока они разворачивались, пока набирали ход, Лыков уже налетел на них. Одному отвесил пинка, а второму сзади крепко приложил по шее. Однако детина оказался не из слабаков. Сначала он клюнул вперед, будто отвешивал поклон. Но не упал, а изловчился и махнул не глядя финкой. Лезвие чиркнуло сыщика по рукаву сюртука. Поняв, что убежать ему не дадут, налетчик принял стойку и выставил нож. Противники застыли друг напротив друга. Сзади топали сапогами городовые, но не поспевали.

Гайменник посмотрел в глаза Лыкову и сказал, задыхаясь:

– Слышь, барин! Ты лучше меня отпусти… А то ведь я и осерчаю.

Но Алексей уже сам осерчал, и основательно. Будет знать, сволочь, как гонять камер-юнкера! Он решительно шагнул прямо на нож. Гайменник ударил без раздумий. Сыщик увернулся давно отработанным приемом, но руку ломать не стал – пожалел. Перехватил ее левой, а правую пустил снизу в челюсть. От души… Налетчик подлетел на пару вершков вверх и распластался на мостовой.

Тут подбежали наконец городовые и начали заламывать детине руки. Тот был без сознания и сопротивляться не пробовал. Алексей посмотрел на угол. Там стояли два других гайменника и наблюдали, как вяжут их товарища. Сыщик показал им кулак и крикнул:

– Еще раз тут встречу – штифты[4 - Штифты – глаза (жарг.).] на затылок передвину!

Ребят как ветром сдуло.

Полицейские подняли пленного, держа его за плечи.

– Положите пока, пусть очухается, – приказал Лыков. – Нож подобрали?

– Угу, – ответил старший, усач с гомбочками городового высшего оклада на плечевых шнурах. – А вы, господин, кто будете? Надо протокол составлять. – И добавил неодобрительно: – Что ж вы на Газовую, и в такой казистой шляпе? Думать надо!

– Пойдемте в участок. Оттуда я телефонирую Вощинину[5 - П. С. Вощинин – в 1892 году начальник Петербургской сыскной полиции.]. Сыскные вашего арестанта заберут и проверят по картотеке. Вишь, не из тех, что наволочки с чердаков воруют…

– Позвольте…

– Я надворный советник Лыков из Департамента полиции.

Городовые встали во фрунт. Младшего Алексей отослал за извозчиком, а старшему велел обыскать пленного. На бекеше у того оказался внутренний карман, а в нем – кистень, свинцовый шарик на ременной петле. В сапоге обнаружился еще один нож, а сзади за поясом – обшарпанный «смит-вессон» с полным барабаном.

– Однако… – задумчиво пробурчал усач. – Откудова такой взялся? Не было отродясь в моем околотке…

Он протянул начальству вид с печатями мещанской управы города Яранска на имя Ивана Лавочкина. Документ был настоящий.

Во втором участке Петербургской части арестованного даже не стали допрашивать. Помощник пристава, как только увидел его арсенал, сразу отослал злодея в сыскную. Лыкову можно было возвращаться домой – он свое дело сделал, дальше справятся без него. Опять же воскресенье… Но сыщику стало интересно, кого же он изловил. Пошел по рябчика, а налетел на волка. И он поехал с задержанным на Офицерскую, 28.

Даже в неприсутственный день в Казанской части было многолюдно. Алексей сдал налетчика в стол приводов и направился к Вощинину. Платон Сергеевич

принял гостя настороженно. Они с Лыковым были знакомы много лет и недолюбливали друг друга. Формально не ссорились, но тень бывшего начальника отделения Виноградова стояла между ними. Вощинин был сослуживцем Ивана Александровича и выдвинулся под его началом. А Лыков, как ученик Благово, унаследовал от Павла Афанасьевича неприязнь к Виноградову за его нечистоплотность. Благово умер, Виноградов вышел в отставку, и теперь лишь их ставленники поддерживали традицию антипатии. Впрочем, делу это не мешало.

Коллежский советник уже получил через телефон рапорт участкового пристава. Газовая улица – дальняя окраина, и до сих пор она славилась разве что хулиганами. А тут попытка вооруженного ограбления. Возраст задержанного указывал на его опытность, а отобранное оружие – на серьезность намерений. Потому Вощинин скороговоркой поблагодарил коллегу и сразу же поинтересовался: за каким чертом тот поперся на Газовую?

Лыков, немного смущаясь, рассказал о своем плане. Смущался он потому, что план отдавал мальчишеством. Чиновник седьмого класса в звании камер-юнкера, заведующий Особенной частью Департамента полиции, – и едет подраться с горчишниками… Вощинин слушал без ухмылки, а когда узнал про три ножа, заволновался. Дело выходило серьезней, чем казалось изначально.

– Как же вы отбились, Алексей Николаич? Да еще прихватили одного. Городовые, пристав сказывал, уже бесчувственного вязали. Три ножа!

– Городовые помогли самим фактом своего присутствия. Сцепился я только с одним, и уже на виду у своих. А сначала удирал.

Платон Сергеевич сразу закивал:

– И правильно сделали. Нечего в героев-то играть, там кота за хвост не тянут! Нож в опытных руках страшнее револьвера.

И потер правый бок. Алексей вспомнил, что тот у начальника сыскной полиции порезанный. Пробили лихие ребята еще в семидесятых, когда Лыков арифметику в гимназии учил.

Сыщики отправились в антропометрическое бюро. Там пытались установить личность «Ивана Лавочкина». Тот держался спокойно и даже шутил – сразу видать бывалого человека. Чиновник специальным циркулем мерял налетчику ухо. Вдруг Лыкову показалось, что в волосах фартового что-то мелькнуло. Он протянул руку, раздвинул пряди и увидел на темени странный шрам. Будто кто царапнул когтями по голове. Рана зажила, но волосы на этом месте не росли и образовалась фигурная проплешина в виде птичьего следа.

– Гусиная Лапа! – воскликнули разом и Алексей, и Платон Сергеевич.

– Ну, ваша взяла, – угрюмо пробурчал арестованный.

Это была большая удача. Оказалось, что Лыков захватил известного преступника Вафусия Студнева по кличке Гусиная Лапа. Отчаянный человек! Шесть лет квартировал на Горячем поле, попался, получил каторгу, сбежал с Сахалина и теперь находился в розыске. Петербургская сыскная полиция подозревала его в трех ограблениях, одно из которых закончилось смертоубийством.

– Теперь будет чем ведомость завершить! – обрадовался Вощинин. – Вот спасибо, Алексей Николаевич, удружили! Помянем вас обязательно!

Коллежский советник имел в виду сводку важнейших происшествий в столице, которая подавалась государю по понедельникам. Теперь в ней напишут: 5 июня 1892 года чиновник особых поручений Департамента полиции надворный советник Лыков арестовал на Пудожской улице опасного преступника. При содействии общей полиции. А сыскная его мигом опознала. В общем, все – герои.

Студнев уже смирился. Опытные фартовики относятся к свободе философски. Когда-нибудь да попадешься, если взял себе такую жизнь… Сейчас его отправят на Шпалерную, в предварительную тюрьму, где человека ждут почет и уважение. Гусиная Лапа – личность известная. Налетчик даже воспрянул духом. Вон как начальство обрадовалось! Значит, и оно почитает Вафусия! И вдруг ни с того ни с сего арестованный заявил Лыкову:

– Ваше высокоблагородие, а хотите, я вам тайну скажу?

– Хочу! – тут же ответил Алексей. С ним уже случалось, что уголовные без видимых причин неожиданно делали важные признания. Иногда из мести, но чаще из амбиции: вот, мол, какая я фигура, чего знаю.

Гусиная Лапа сделал глубокомысленное лицо и осмотрелся. Все в комнате притихли и пялились на него, даже сам начальник сыскной полиции.

– Но тока вам, потому – из уважения. Вы ведь Лыков господин?

– Да. А ты откуда знаешь?

– Товарищи про вашу силу да смелость говорили. На Сахалине, в Корсаковской тюрьме. Я туда прибыл, когда уж вы обратно уплыли, маненько не застал.

– Было дело, служил я в Корсаковске. Так что ты имеешь сказать?

– Товарищи говорили, ваше высокоблагородие, что вы человек справедливый. А правда, будто вы арестанта, что на вашу личность с ножом бросился, вместо чем повесить, велели только выпороть?

– Правда. Пустой был человек, это его «иваны» заставили. Пожалел дурака.

– И не плетью, а просто розгами?

– Да. Но ты тайну-то будешь сказывать? Или нету никакой тайны, а так, язык почесать ляпнул?

– Есть! Есть тайна. Тока вам, за вашу справедливость, скажу. Сегодня ночью на костеобжигательном заводе будут мертвое тело жечь.

– Где именно? – выскочил вперед Вощинин. – Для чего?

Но Гусиная Лапа его игнорировал, пытливо глядя на Алексея.

– След заметают? – спросил тот.

– Надо полагать.

– На каком заводе? Их в городе четыре.

– Того не знаю. Но где-то на Гутуеве.

– Вот спасибо тебе, Вафусий Силыч! Буду думать, как тебе поблажку учинить.

– Вы мне уже учинили, ваше высокоблагородие, – серьезно ответил налетчик. – Тем, что руку не сломали или нутро не отбили, как Глазенапу[6 - См. книгу «Мертвый остров».]. Ежли б я знал, что на Лыкова с ножом посягаю, сам бы бежал от вас быстрее пули.

Сыщики отошли в угол и стали там совещаться.

– На Гутуевском острове три завода, – стал загибать пальцы надворный советник. – Первый, самый маленький, – Грумбта. Это на Динабургской. Рядом с ним второй, Кобозева; он самый большой. А третий завод – Ильина. На котором из них?

– У Кобозева, – решительно заявил Вощинин. – Вот же темный человек! Давно мы вокруг ходим, а схватить не за что.

– Это тот, что Михаил Никитич? Почетный гражданин и благотворитель?

– Он, собачья суть! Главный в столице скупщик краденого. Владелец крупнейшей артели тряпичников. И костеобжигательный завод у него тоже самый-самый. На Динабургской, повозле завода, трактир и доходный дом. Ну, как дом? Так, казарма для рабочих… А сама ставка Мишкина находится на Лиговке. Там полноценный притон: торговые бани, второй трактир и балаганы для тряпья. Благотворитель, мать его ети!

У Платона Сергеевича даже задергалось веко. Видать, почетный гражданин Кобозев сильно ему досадовал…

– Трактир на Лиговке – «пчельник»?[7 - «Пчельник» – трактир-притон, куда ходят только уголовные (жарг.).] – уточнил Алексей.

– Только отчасти. Обыватели туда тоже ходят, не одни фартовые. Но тон задают «красные»[8 - «Красные» – воры (жарг.).]. И с ними у Кобозева крепкая стачка.

– А в чем его главное дело? Бани?

– Ну, там, конечно, незаконная проституция, но обороты дает артель. В балаганах, что во дворе, скупают и хранят краденое. Однако сделано так, будто сам Кобозев ни при чем, все отдано в аренду и скупку ведут приказчики. Ночью украли, под утро перешили и тут же выставили на Толкучем. Хозяин свою вещь уже не опознает.

– Облавы делали?

– Последний раз еще при Иване Дмитриевиче[9 - То есть при И. Д. Путилине, начальнике сыскной полиции.], десять лет назад. Как стал Кобозев большой благотворитель, ходить туда мы прекратили. Начальство не одобряло…

Лыков понял затруднение коллежского советника. Артели тряпичников тесно связаны с ворами и часто руководят ими. Тряпичники – и наводчики, и скупщики. Двадцать хозяев таких артелей держат весь воровской оборот столицы. У каждого свой «пчельник», свои шайки на прикорме, свои ночные портные и подпольные ломбарды. Высокий забор и злые собаки охраняют дом от непрошеных гостей. Разбогатев, хозяин артели ставит на довольствие участкового пристава и околоточного. Еще избирается в гласные думы, обзаводится посредниками и присяжными поверенными. И делается для полиции неуязвим.

– Платон Сергеевич, а может, это шанс? Найдем сегодня ночью на кобозевском заводе покойника – и прижмем стервеца?

Вощинин с сомнением покачал головой:

– Не сам же он будет его в печь совать? Но хоть кровь попортим аспиду. Так что новость все равно хорошая. Теперь главное не спугнуть!

Сыщики воротились к Гусиной Лапе. Тот сидел безучастный и скучал.

– Ваше высокоблагородие, на Шпалерной скоро ужин подадут! Я ж из-за своей доброты и голодным останусь! Это рази правильно?

– Последние два вопроса, Вафусий, и поедешь шамать, – успокоил фартового Лыков. – От кого ты узнал про покойника?

– В трактире подслушал, в «Любиме».

– «Любимов» в городе тоже не один. Это который на углу Виндавской и Динабургской?

– Точно.

– Кобозева заведение, – пояснил Вощинин. – Все сходится!

– А кто с кем разговаривал? – продолжил расспросы Алексей.

– Да два галмана, от сохи пришли водки попить. На вид – истопники. Черные все!

– Что именно они сказали?

– Всего и баяли, что ночью палить кого-то привезут. По петуху[10 - Петух – пять рублей (жарг.).] им обещано. Все, боле ничего не знаю, жрать хочу!

Налетчика увезли в домзак, но Вощинин велел поместить его в одиночку. Если облава даст результат, утром он понадобится для опознания. А сыщики начали подготовку к ночной вылазке.

Так Лыков, сам того не желая, оказался втянут в операцию чужого ведомства. Ему пришлось телефонировать Дурново, объяснять ситуацию и просить разрешения. Департамент полиции связан с градоначальством множеством общих дел; не редкостью были и совместные операции. Поэтому директор разрешение Алексею дал, но велел утром доложить, что из этого получилось.

Надворный советник поехал домой. Там он отобедал, оценил новый Варенькин наряд, покидал к потолку детей. Потом огорчил жену известием, что уходит на службу. Дурново вызвал через рассыльного, сказал: срочное дело. Раньше утра

не обернется.

С тех пор как Лыков возглавил Особенную часть, Варенька стала меньше за него волноваться. Это тебе не Летучий отряд! Ее муж теперь не сидел в засадах, не лазил с облавами по притонам и не задерживал лихих людей. Бумажная рутина заменила живое опасное дело. Супругу это радовало, Алексей же огорчался. Вдруг он обнаружил, что у него стал расти живот. Возможно, поэтому сыщик и отправился в свою дурацкую прогулку на Петербургскую сторону. Побить пару хулиганов, растрясти жиры… И вот чем обернулось.

В пятом часу Лыков вышел из парадного, свернул за угол – там его уже было не видно из окна квартиры – и поймал извозчика. Он успел незаметно сунуть за спину «веблей», а в карман положил французский полицейский кастет, подарок Благово. Прибыв на Офицерскую, сыщик сразу поднялся в гримерное депо. Там толпились агенты, переодевались тряпичниками. Руководить операцией назначили коллежского асессора Шереметевского. Алексей дружил с этим ловким и смелым человеком. Любимец самого Путилина, Шереметевский состоял в сыскной полиции уже двадцать лет и достиг должности помощника начальника. Причем он не только номинально, но и на деле был правой рукой Вощинина. Преступники столицы боялись его как огня.

Приятели поздоровались, обменялись дежурными колкостями, и Алексей сел гримироваться. Ему выпала роль старшего артельщика, поэтому бороду решили не наклеивать. Лыковские партикулярные усы вполне шли образу. В депо подобрали сюртук, сапоги и картуз – ношеные, но с оттенком щегольства. Шереметевский изображал счетчика и с этой целью держал под мышкой амбарную книгу. Четверо агентов пачкались золой, чтобы походить на старьевщиков. Вскоре облава была готова.

Они подъехали к третьему участку Нарвской части за час до развода мостов. Взяли из дежурного наряда двух городовых и отправились на Гутуевский остров. Было по-ночному тихо. Справа от стройки Богоявленского храма виднелся на фоне неба силуэт огромной горы. Словно вулкан поднялся над островом! Гигантская куча костей возвышалась на пятнадцать саженей. Лыков был как-то раз на вершине и поразился открывавшемуся оттуда виду. Весь Петербург как на ладони, и Кронштадт, и форты… Теперь сыщику предстояло посетить завод в сумерках белой ночи.

О заведении Кобозева давно ходила недобрая молва. Вот на Резвом острове стоит такое же предприятие. Выстроено «Обществом костеобжигательных заводов и выделки из кости других продуктов» тридцать лет назад. Дымит исправно, и никаких там нет темных историй. А все потому, что хозяева – поляки и ведут дела чисто. Не то здешние тряпичники. Имея тесные связи с преступным миром, они иногда помогают скрыть самые страшные улики их деятельности – тела жертв. Костеобжигательный завод как будто создан специально для этого.

Со всей Европейской части империи, с Кавказа, Поволжья и Урала везут в Петербург кости животных. По Мариинской системе из Камы, Оки и Волги груз попадает в столицу. За год обрабатывают миллион пудов! На заводе кости сортируют. Длинные продают токарям на изготовление вещей: ручек для зонтиков, тростей, гребней, папиросников. Остальные помещают в рубильный барабан, где измельчают механическим способом. Затем дробленую кость варят в котлах, вытапливая из нее сало и клей. Жидкую клейкую массу еще отдельно вываривают, загущают и сушат, а собственно кости раскладывают на особых решетах. Под ними находится главное устройство завода – огромная печь. Она топится круглые сутки без выходных, подавая наверх невыносимый жар. Полуголые потные рабочие, все в копоти, бегают по решетам в брезентовых котах и железными прутьями ворошат кости… Рядом мельница, в которой обожженный полуфабрикат рушат в муку. Костяная пыль стоит столбом. Кругом пекло и невыносимый смрад, будто в преисподней. Если в это время внизу, где истопники, сунуть в жерло печи труп, никто и не заметит. И следов никаких не останется.

Городовых при экипажах оставили на берегу, укрыв за амбарами. Четверо «тряпичников» подкатили к заводу на телеге, а главный «артельщик» со «счетоводом» – на пыльной пролетке. Лыков с ухарским видом направился прямо в ворота. Сторож преградил ему путь:

– Куда прешь?

Сыщик помахал у него перед носом латунной бляхой с номером семь. Все тряпичные артели имели на заводе свои лабазы, куда свозили кости. Седьмой лабаз принадлежал купцу Ванюшину, крупнейшему поставщику в Александровской части.

– Щас наши два воза подойдут, Сосфен Пантелеймоныч велел разгрузить.

– Какие воза? Мосты же разведут!

«Артельщик» с шиком вытащил серебряные часы, щелкнул крышкой и заявил авторитетно:

– Наши успеют.

Лыков хотел уже пройти мимо, но сторож дороги не дал. Выше сыщика на три вершка, широкоплечий и очень самоуверенный, он осмотрел ночных гостей и сказал:

– Я вас раньше здеся не видал. И в ночь на понедельник у нас никогда возы не принимают.

– И чё? – насмешливо поинтересовался Алексей.

– А то. Вот появятся телеги, тогда и вы пройдете. А пока тут постойте.

Лыков скривился, взял мужика за ремень, поднял и понес к сторожке. Зашвырнул внутрь и пригрозил:

– Еще раз такую глупость услышу – самого в муку изотру.

«Артельщики» пошли дальше. Караульщик смотрел им вслед из окна, но выйти на улицу не решался… Через минуту пять человек ворвались в кочегарку. Двое истопников, голые по пояс, толкали в печь огромную осиновую колоду. Увидев незваных гостей, они бросили ее на пол.

– Что же вы, звери, осиной топите? – ласково осведомился Шереметевский. – Самое ведь дурное дерево.

– А… эта…

Коллежский асессор огляделся по сторонам и буднично спросил:

– Жмурик где?

При этих словах один из кочегаров бросился к дверям, но ему подставили ногу, повалили и стали вязать.

– Да ты еще дурнее осины, – ухмыльнулся Шереметевский. – Повторяю вопрос: где покойник?

Ошарашенные мужики молчали.

– Дурни! – рявкнул на них Лыков. – Вы, что ли, убивали? Знаем, что не вы. А будете гайменников покрывать – себе навредите!

Тот, что пытался убежать, откашлялся и сказал:

– Так что, пока не привезли.

– Ага. Когда ждете?

– Эдак к полуночи.

– Кто должен привезти?

– От Снулого ребята.

– Кто такой Снулый?

– Не могу знать, ваше благородие!

– Солдат? – обрадовался Лыков.

– Так точно, пехотный запасной.

– Какого полка?

– Девяносто второго Печерского, ваше благородие!

– Развяжите его и дайте закурить, – распорядился надворный советник.

Когда истопник затянулся, обстановка в кочегарке как-то сразу разрядилась. Напарника тоже угостили папиросой. Мужики несколько успокоились, перестали дрожать, и Алексей продолжил расспросы:

– Ну, так кто такой этот Снулый?

– Мы, ваше благородие…

– Выше подыми! – поправили сыскные.

– Виноват, ваше высокоблагородие! Мы и сами не знаем. Какой-то атаман.

Лыков покосился на Шереметевского, но тот отрицательно покачал головой.

– Из новых, что ли? Не слыхать было до сих пор про такого атамана.

– Не могу знать! Обещали нам червонец на двоих. Что ж… деньги хорошие. А ему, покойнику то есть, уж все равно.

– В первый раз подрядились?

– Ага, – вступил в разговор второй истопник. – Мы с Федькой тут тока с Пасхи, при печах-то. Впервые, значит.

– А кто предложил? Кто деньги посулил?

– Васька Питенбрюх.

– Из Яковлевки? – оживился Шереметевский.

– Он самый.

– Ну, его мы быстро сыщем.

На этом разговор закончился. Кочегары принялись топить печь, а засада попряталась по углам. Прошло полчаса, никто не появлялся. Лыков стал советоваться с Шереметевским. Он считал, что нужно пойти проверить сторожа на воротах. Вдруг он предупредит гайменников? Зашли, мол, пятеро, кто такие – неизвестно… Помощник Вощинина не соглашался. До полуночи еще почти час. А если начать теперь шляться по двору, только спугнешь.

Вдруг дверь в кочегарку открылась, с улицы просунулась усатая голова, и раздался громкий шепот:

– Леонид Алексеевич!

Шереметевский вышел на свет.

– Здесь я. Что случилось, Барсуков?

Это был агент, оставленный при экипажах. Он зашел внутрь и доложил:

– Я телегу с пролеткой к городовым отогнал, за бани. Ниоткуда не видать.

– И что?

– А сам, значит, к вам пришел. Для подкрепления.

– Молодец. В заводе что?

– Народ работает. Все тихо.

Тут подошел Алексей.

– Барсуков, ты, когда шел, сторожа в воротах видел?

– Никак нет. И свет в будке загашен.

Лыков матюгнулся и выбежал на улицу. У ворот что-то происходило. Двое стояли и держали в руках длинный, прогибающийся в середине сверток. Увидев Лыкова,

они уронили его на землю. Сыщик бросился на них, но услышал знакомый щелчок. Он резко присел. Грохнул выстрел, и в стену котельной за его спиной словно швырнули горсть железного гороха. Что-то больно ударило Алексея по голове и упало к ногам. Он схватил рукой – горячо!

Сзади агенты распахнули дверь и полезли было наружу. Лыков крикнул через плечо:

– Берегись!

Сыскные закрылись изнутри, и вовремя: жахнуло прямо в дверь. Стреляли крупной дробью и очень кучно.

Люди, стоявшие у ворот, бросились прочь. Лыков устремился за ними, но в спешке споткнулся о сверток и растянулся во весь рост. Вскочил, выбежал на набережную. Где они? Справа раздавались свистки городовых, а слева – удаляющийся топот. Сыщик хотел поднажать, но в ногу словно вбили гвоздь… Вывих! Только этого не хватало. Он ковылял и слышал, что топот делается все тише. Вдруг он совсем прекратился, и раздался плеск весла. Садятся в лодку! Алексей вытянул руку с «веблеем». В сумерках едва угадывались две фигуры. Медлить нельзя! Сыщик разрядил весь барабан, стараясь брать прицел пониже. Человек охнул. Началась непонятная возня, потом басовитый голос пробормотал:

– Ты чё?

Через секунду кто-то всхлипнул, и снова плеснуло, будто мешок бросили в воду. Алексей захромал вперед. Он уже понял, что упустил противника.

Сыщику повезло: труп не успело отнести волной. Он зашел в Екатерингофку по пояс, разглядел тело, ухватил и вытащил на сушу. Тут подбежали агенты, посветили «летучей мышью». Дюжий парень в кожаной куртке. Готов… Одна дыра сзади в ляжке – лыковская пуля, а вторая от ножа – прямо в сердце. Быстро соображает господин Снулый! За секунду принял решение и обрубил все концы.

– Что там лежит в воротах? Покойник?

– Так точно, – доложил Барсуков. – В кошму замотали.

В ночи слышались энергичные шлепки по воде – лодка быстро уходила на Чекуши.

Когда Алексей вернулся на завод, там уже царила суматоха. Агенты ходили по двору с фонарями, рассаживали арестованных в пролетки, а на телегу грузили мертвые тела. Шереметевский велел добавить к истопникам сторожа. Было очевидно, что он предупредил убийц о засаде. Лыков развернул кошму и рассмотрел жертву, которую хотели кремировать. Заурядное бритое лицо, возраст – около тридцати. Одет в дешевое исподнее, без верхнего платья. На правой руке обнаружилась особая примета – изуродованный ноготь большого пальца.

Алексей сказал Шереметевскому:

– Больно шустер этот новый атаман. Одну ниточку он оборвал, осталась еще одна. Поторопись-ка с поисками Питенбрюха. Лети в Яковлевку, тащи Ваську сразу на допрос. Я бы с тобой поехал, да нога не ходит, к доктору мне надо.

Подошел старший агент Сизов.

– Ваше высокоблагородие, я тут на земле собрал…

– Ну-ка? – порылся у него в горсти Лыков. – Картечь, и крупная. Ею в нас и стреляли. Хорошо, все целы!

Ближайшие несколько человек сняли фуражки и перекрестились.

– А это что?

Алексей взял у старшего агента короткую латунную трубку, пахнущую порохом. К одному ее концу шелковыми нитками была привязана какая-то тряпка.

– Ух ты! Это, Сизов, называется парашют. В трубку кладется картечь, а тряпка позади – обычный пыж.

– Про пыжи я слыхал, ваше высокоблагородие, но зачем они его к трубке привязали?

– При выстреле трубка вылетает из ствола и падает в нескольких саженях впереди. Вот, значит, чем меня в голову стукнуло! Но продолжу. Пыж на нитках летит следом и поддерживает гильзу в устойчивом положении. Это существенно повышает кучность боя.

Сизов непонимающе хлопал глазами:

– И что?

– А то! Стрелок не просто хотел в нас с тобой попасть. Он хотел убить наповал. Я желаю познакомиться с этим дарованием!

Агенты вокруг переглянулись и быстро разошлись.

Поспать в эту ночь Лыкову так и не удалось. На Офицерскую они вернулись в половине третьего. Надворного советника сразу повели к частному врачу[11 - То есть к врачу Казанской части.], который наложил ему на лодыжку повязку. В сыскную полицию Алексей поднялся уже с палкой и до семи утра допрашивал арестованных. Незадачливых истопников быстро отправили в предварительную тюрьму. По Уложению им следовало наказание двумя степенями ниже, чем главному виновному. За умышленное убийство Снулому полагалось пятнадцать лет каторги. Значит, пехотный запасной и его товарищ уплывут на Сахалин на восемь лет. За то, что хотели заработать десятку на двоих… Дураков было жалко. Лыков отвел пехотного запасного в сторону и сказал ему на ухо:

– На следствии откажитесь от своих слов. Мол, наболтали с перепугу, сами не помним чего…

– Это как? – не понял кочегар.

– А вот так! Вы же ничего преступного не сделали.

– Ну?

– С вашей стороны преступления не было, только намерение. Вот и откажитесь. Знать ничего не знаем, топили печку, а тут сыскные налетели и смутили нас.

– Но мы же в самом деле собирались!

– Ты что, в каторгу хочешь?

– Да ну! – опешил мужик. – Ваше высокоблагородие! Нешто вправду за такое каторгу дадут? Мы ведь тово… по пятерке на брата… И каторга?

– О чем я тебе, пентюху, и толкую! Откажитесь. Вам назначат адвоката, с ним еще посоветуйтесь. Понял теперь, олух царя небесного?

– Так точно! Спасибо, ваше высокоблагородие… Пойду, товарища научу.

Сторож оказался крепким орешком. Был под судом, но оставлен в подозрении; в молодости отсидел год в арестном доме за драку. Видимо, на заводе творилось немало темных дел, и на воротах у Кобозева стоял доверенный человек. От показаний сторож отказался наотрез, да еще грозил сыщикам судом. Принял-де их за фартовых, а те не представились и грубо с ним обошлись! Можно было не сомневаться, что хозяйские адвокаты парня быстро выручат.

В Яковлевке агенты никого не нашли. Огромный доходный дом с сотнями квартир выходил сразу на три улицы. Полуподвал населяла темная публика, тяготеющая к притонам Сенной площади. Ваську Питенбрюха в сыскной знали хорошо. Он был известный блатер-каин, но с поличным взять его не удавалось. Васька держал легальную кассу ссуд, а по закону ломбард нельзя привлечь за скупку краденого. Теперь ловкий барыга исчез и даже успел забрать из кассы все ценные заклады. Телефоном, что ли, они общаются со Снулым? Как он сумел так быстро узнать про опасность и сбежать?

Внизу, в морге Казанской части, лежали два трупа. Ни один из них не удалось идентифицировать с ходу. Жмуриков обмерили и теперь проверяли по картотеке

антропометрического бюро. Бертильонаж – вещь трудоемкая; может быть, к вечеру что-то выяснят…

Вощинин поблагодарил Лыкова за помощь и даже проводил до приемной. Алексей заехал домой, успокоил жену и сменил брюки – те при падении порвались на самых неприличных местах. В восемь утра с тростью Благово он зашел в кабинет директора департамента.

– Что у вас с ногой? – сразу вскинулся Дурново.

– Споткнулся в темноте… об покойника. Вывих.

– Как все прошло? Судя по вашей ноге, не совсем безоблачно?

– Да. Нас обстреляли картечью. А когда я ранил одного в ногу, его тут же добили свои. И уплыли на лодке.

– Свои добили? – поразился Дурново. – Однако! Я такого не припомню!

– Я тоже, Петр Николаевич. Этот Снулый и думает быстро, и жалости не имеет.

– Одним словом, операцию вы с Шереметевским провалили, – сухо констатировал тайный советник.

– Провалили, – согласился Лыков. – Я предлагал привлечь речную полицию, но Вощинин отказал. У них с Власенко[12 - Полковник Г. А. Власенко – в 1892 году начальник Петербургской речной полиции.] взаимная распря. Вот и упустили. А ребята там серьезные…

– Ну и черт с ними! В конце концов, до нас это не относится. Больше Вощинину по этому делу не помогайте.

– Слушаюсь.

– Через час сюда придут Плеве и Шебеко. Доложите о своем последнем открытии. Дальше тянуть нельзя, надо принимать решение.

Плеве, бывший директор департамента, теперь был товарищем министра внутренних дел. Вячеслав Константинович тащил весь воз текучки, оставив министру, «большому» Дурново[13 - «Большой» Дурново – Иван Николаевич, министр внутренних дел. «Маленький» – его однофамилец, Петр Николаевич, директор Департамента полиции.], лишь представительские вопросы. Иван Николаевич, человек добрый, но поверхностный, с удовольствием всю текучку и отдал. Николай Игнатьевич Шебеко, генерал-лейтенант и второй товарищ министра, командовал Отдельным корпусом жандармов и одновременно заведовал полицией. Таким образом, он был непосредственным начальником «маленького» Дурново и Лыкова.

Особенную часть, которой сейчас управлял Лыков, создали полгода назад на временных основаниях. Само ее наличие нигде не афишировалось. Назначением части было «расследование дел, имеющих повышенную общественную важность», как формулировал приказ по департаменту. Это тоже являлось маскировкой. На самом деле Особенная часть занималась уголовными преступлениями, в которых были замешаны крупные сановники, придворные и люди из высшего света. В случаях со знатными особами огласка крайне нежелательна. Лыков по званию камер-юнкера и по знакомствам жены входил в круг избранных и потому оказался удобной кандидатурой. Чиновники Департамента полиции непосредственно уголовным сыском не занимались, навыков и опыта не имели. А сыскная полиция градоначальства, располагая кадрами, не допускалась к щепетильным делам – на самом верху ей не доверяли. Лыков, опытный сыщик и ученик самого Благово, подошел идеально. Свой человек и на Офицерской, и на Дворцовой площади, он одинаково беспрепятственно ходил и по Зимнему дворцу, и по «Вяземской лавре». Когда понадобилось согласовать назначение, Алексея вспомнил и утвердил лично государь.

Первым делом части стал поиск ордена Белого Орла. Дорогую вещь украли из номера генерал-лейтенанта князя Шаховского-Глебова-Стрешнева. Старый саврас приехал из Москвы и остановился в гостинице «Караванная». И в первый же день привел к себе с улицы, как он сказал, гадалку. А когда та ушла, обнаружилась пропажа. «Гадалке» едва стукнуло четырнадцать лет, и она оказалась проституткой из печально знаменитого дома Дероберти. Лыков за сорок восемь часов отыскал орден у евреев-ростовщиков на Александровском рынке. В департаменте трехфамильному князю вернули цацку и передали наказ министра: возвращаться в Москву и сидеть там тихо. А то есть статья за совращение несовершеннолетних…

Потом были дела покрупнее. В мошенничестве с нефтеносными участками в Баку оказался замешан товарищ министра государственных имуществ. На закупках для армейских нужд сукна наживался член Совета военного министерства. А в Управлении Собственными Его Императорского Величества библиотеками и арсеналами завелись книжные воры.

Лыков унаследовал так называемую папку Благово. Павел Афанасьевич создал в Петербурге личную агентуру, которую незадолго до смерти передал Алексею. В ней было всего одиннадцать человек, все из придворной среды или высшей бюрократии. Эти люди не получали вознаграждения за свои услуги и не значились ни в одном деле. Треть добровольных агентов составляли дамы. Уже будучи больным, вице-директор познакомил своего ученика с осведомителями. Двое, кстати, отказались общаться и вышли из списка… Встречи были обставлены весьма конспиративно. Сенатор, жена министра, хозяйка великосветского салона, управляющий двором одного из великих князей, вдова генерал-адъютанта, член Госсовета, почетный опекун, дочь камергера, штабс-капитан из технической службы Зимнего дворца, директор банка и прокурор… Для них огласка сотрудничества с Департаментом полиции означала бы крах репутации. Но сотрудничество было своеобразным. Слухи и великосветские сплетни давали такие сведения, каких ниоткуда более не получить. А рекомендация позволяла войти туда, куда с полицейским билетом вход заказан. Дела Особенной части были столь законспирированы, что она не значилась ни в одном адрес-календаре. И большинство сановников не подозревали о ее существовании. Штат состоял всего из трех человек: собственно Лыкова, его помощника губернского секретаря Валевачева и чиновника для письма коллежского регистратора Шустова.

Несколько агентов с тех пор Алексей завел дополнительно, уже сам. Одного в сыскной полиции, другого в канцелярии Государственного совета и еще сестру генерала из Военного министерства. Теперь он узнавал многие новости раньше других. Фамилии осведомителей Дурново у Алексея не спрашивал, но требовал держать его в курсе важных происшествий.

Последним, самым неприятным разоблачением Особенной части стала афера Абазы.

Александр Аггеевич Абаза сделал карьеру благодаря протекции великой княгини Елены Павловны. Юная вюртембергская принцесса была выдана замуж за солдафона Михаила Павловича, брата Николая Первого, и стала украшением

императорской семьи. Женщина выдающегося ума, друг и покровитель писателей и художников, она являлась одним из главных движителей Великих реформ. Абаза, скромный отставной майор с Владимирским крестом за Кавказ, был назначен «состоять» при ее высочестве. И так ловко использовал открывшиеся ему возможности, что добрался до поста министра финансов! Большой либерал, после смерти Александра Второго и воцарения его сына Абаза подал в отставку. Причем демонстративно, вместе с Лорис-Меликовым и Милютиным. Александр Третий очень не любил подобных жестов. Однако деловые качества бывшего министра были таковы, что через три года его попросили обратно во власть. Абаза был назначен председателем Департамента государственной экономии Госсовета и членом Комитета министров. На этой должности он фактически утверждал бюджет Российской империи. Умнейший человек, опытнейший финансист, крупный государственный деятель был пойман Лыковым на… незаконной биржевой игре.

Абаза был крупным помещиком Юго-Западного края и вел свои дела через одесского банкира Рафаловича. Вдруг тот получил приказ вложить все свободные средства клиента в скупку золота. Абаза велел играть на понижение курса рубля. Помимо золота, банкир должен был покупать марки, франки и фунты стерлингов. В самой биржевой игре ничего незаконного не было. Преступление состояло в том, что Абаза играл наверняка! По своему служебному положению он имел секретные сведения о планах правительства. Более того, Александр Аггеевич сам эти планы одной рукой и сочинял. А второй – зарабатывал на беспроигрышной спекуляции. Причем несколько месяцев сряду рубль рос и укреплялся благодаря хорошему урожаю зерна предыдущего года. Абаза нес потери, но продолжал избавляться от рублей. Поскольку лучше других знал, что министерство финансов по его же рекомендации станет понижать курс. К началу лета так и вышло: усилиями властей рубль упал, и Абаза оказался в крупном выигрыше. Осведомитель Лыкова в канцелярии Государственного совета оценивал его прибыль в миллион! Именно этот человек по поручению Абазы вел шифрованную телеграфную переписку с Рафаловичем. Марка именовалась в ней ячменем, фунты – пшеницей, а франки – овсом…

Алексей сначала не поверил, что сановник такого ранга зарабатывает на своей служебной осведомленности. И ведет себя как мутный биржевой гешефтер. Тогда агент принес на конспиративную квартиру совершенно секретный всеподданнейший доклад министра финансов Вышнеградского. В нем тот просил государя одобрить план действий правительства по снижению курса рубля. На докладе стояла приписка самого Абазы: «С планом ознакомлен и полностью его одобряю». Авторитет Александра Аггеевича был настолько велик,

что именно эта его приписка и склонила государя к утверждению плана. С того дня Абаза знал, что непременно окажется в выигрыше: все ресурсы империи будут играть в его пользу…

Открытие Лыкова было из числа неприятных. Что с ним делать? «Маленький» Дурново не хотел идти к «большому». Тот хоть и занимал пост министра, но груз этот был ему не по силам. А точнее, не по характеру. Добродушный и приветливый человек, к которому все относились только хорошо, – и при этом поверхностный, негосударственного ума. Иван Николаевич Дурново старался со всеми ладить, и это блестяще ему удавалось. Менее всего министр любил огорчать государя плохими новостями. Ясно было, что известие о проделке Абазы он положит под сукно, и сановный мошенник останется без наказания. Для поиска выхода из положения и созвали сегодняшнее заседание. Два товарища министра и директор Департамента полиции должны решить, что делать с открытием Лыкова. Ввиду этого покойник с костеобжигательного завода был никому не интересен.

Начальство съехалось к десяти. Алексей давно не общался с Плеве. С тех пор как он впервые увидел его в этом кабинете, прошло уже одиннадцать лет. Вячеслав Константинович потяжелел, усы поседели, взгляд стал безразлично-сановным. Сенатор, тайный советник, ордена вешать некуда – и застрял в товарищах министра. Умный трудолюбивый немец, сын учителя истории в уездном училище, Плеве всего в жизни добился сам. Голова у него вполне министерская, но государь этого почему-то не замечает…

Генерал-лейтенант Шебеко был из другой породы. Ловкий малый за десять лет из корнетов дослужился до полковника. Вовремя сменив кавалергардский мундир на жандармский… Карьере Николая Игнатьевича очень помогла его сестра Варвара. Подруга и главный финансист княжны Долгорукой, прожженная и ловкая баба здорово нашумела в Петербурге. Любовница покойного государя устраивала свои мошеннические дела через товарку. В спальне она решала вопросы железнодорожных концессий или поставок для армии, а Варвара принимала потом за это деньги от заинтересованной стороны. Синдикат наворовал миллионы. Брат махерши стал генерал-майором свиты, получил Владимира второй степени и едва не вышел в сановники. Но не успел. Случилось 1 марта 1881 года. О моложавом генерале надолго забыли. Он боролся с саранчой и просиживал штаны с лампасами в Совете министерства внутренних дел. О жандарме вспомнили вновь после «Второго первого марта». Тогда в 1887 году состоялась попытка покушения на государя. Командир ОКЖ[14 - ОКЖ –

Отдельный корпус жандармов.] и заведующий полицией Оржевский был удален, и его место занял Шебеко. Острослова заменили на интригана. Петр Николаевич Дурново тихо бранился себе под нос. Непосредственный шеф – порядочная скотина, министр – пустозвон; крутись как хочешь… Все решения он вынужден был принимать сам, не надеясь на поддержку сверху. Но случай с Абазой выходил за рамки рядового дела. Пришлось позвать обоих начальников разделить ответственность. И как всегда, лучшее решение нашел многоумный Плеве.

Сначала Лыков сделал доклад о своем дознании. Тут случился неприятный момент: Шебеко потребовал назвать ему фамилию осведомителя. Алексей отказался, генерал настаивал. Но Плеве и Дурново заступились за надворного советника. Они объяснили борцу с саранчой, что так можно вообще без агентуры остаться. А знать содержание папки Благово ему и по чину не положено…

Тогда Шебеко предложил ознакомить с дознанием Вышнеградского и переложить ответственность на него. Министерство финансов больше других замазано в афере, пусть и отдувается. Лыков опять возразил. Вышнеградский тяжело болен, сказал он. Еще весной на заседании Государственного совета с ним случился удар. Как министру, ему негласно ищут замену. Обнародование проделки Абазы добьет Ивана Алексеевича.

– Да и хрен с ним! – заявил командир корпуса жандармов. – Поповское отродье[15 - И. А. Вышнеградский происходил из духовного звания.] жалеть! Надо бы выяснить, а не промышлял ли сам министр на бирже вместе с Абазой. Где он сейчас, кстати?

– Абаза? – уточнил Лыков. – В Монте-Карло.

– Миллион проигрывает? – желчно усмехнулся Шебеко. – Экая скотина. Наворовал мошну – и в казино. Чтоб я так жил…

По тону генерала чувствовалось, что он действительно хотел бы для себя подобной жизни.

Когда совещание зашло в тупик, Плеве и предложил выход. Он вспомнил, что через два месяца министр убывает в отпуск. Вячеслав Константинович останется за него. На очередном высочайшем докладе Плеве доложит государю всю

историю. И пусть тогда Его Величество явит свою августейшую волю.

Это предложение, разумеется, всех устроило. Лыкову велели два месяца помалкивать, а пока передать Плеве все материалы. Сыщик вручил папку и был отпущен из кабинета.

Настроение у Алексея было паршивое. Словно дерьма наелся. Его так и подмывало сообщить генералу, что его сестра тоже находится в поле зрения Особенной части. Девице Шебеко стукнуло уже пятьдесят два года. Она тяжело переживала утрату своего звездного положения, хотя украденные при прежнем государе миллионы позволяли ей жить безбедно. Прожженная баба держала при себе непритязательных отставных поручиков, потихоньку отдавала деньги в рост и ежедневно переписывалась со своей подружкой. Светлейшая княгиня Юрьевская жила в Ницце на положении обиженной вдовы. Два года назад ее сын Георгий поступил на военную службу. Юрьевской пришлось удалить из дома компрометировавшего ее красавца доктора, скрашивавшего скуку вдовства. Перлюстрация показывала, что княгиня готовит новый наскок на императора. Обвенчавшись с Александром Вторым, она получила от него не только три миллиона рублей, но еще и право проживать в Зимнем дворце. Новый государь никак не мог с этим согласиться… Сам он жил преимущественно в Гатчине и Петергофе, а по приезде в столицу останавливался у себя в Аничковом дворце. Но в Зимнем проводились высочайшие выходы, и там же поселилась эта дура! Светлейшей княгине подарили дом на Гагаринской набережной и добавили сто тысяч ежегодно на содержание себя и еще столько же – на детей. Лишь бы выехала с Дворцовой площади. Нормальному человеку этого хватило бы по гроб жизни. Но безутешная вдова с куриными мозгами полезла в биржевые аферы – и потеряла почти весь капитал. Теперь она собиралась клянчить у царствующего пасынка пару миллионов на бедность и в письмах к девице Шебеко оттачивала формулировки.

Конечно, сердить злопамятного генерала было неразумно, и Лыков удалился молча. Он пошел к себе. Особенная часть вся помещалась в одном кабинете. При появлении начальника Валевачев с Шустовым быстро встали.

– Доброе утро, Алексей Николаевич!

– Доброе, хотя бывали и повеселее, – ответил Алексей.

Чиновник для письма, сорокалетний, серьезный, продолжил сочинять какую-то бумагу. Помощник Лыкова остался стоять. Высокий, с аристократическим выразительным лицом, Валевачев был бы красавец, если бы не усы. Они у губернского секретаря практически не росли. Так, юношеский пушок… Этот пушок придавал чиновнику вид несерьезный, почти комический. Юрий Ильич это знал, втирал в кожу какие-то патентованные бальзамы для роста волос, но ничего не помогало. Лыков успокаивал: надо потерпеть пару лет, все наладится само собой. Валевачев соглашался – и покупал новый бальзам.

Кабинет Особенной части располагался в одном из внутренних корпусов Департамента полиции. Это только считается, что адрес один: Фонтанка, 16. На самом деле полицейское ведомство занимало весь угол с Пантелеймоновской улицей – пять домов и три флигеля. Все они были соединены между собой внутренними дворами и коридорами. Лыков сидел как раз во флигеле, рядом с секретной тюрьмой. Единственное окно выходило на двор, где росло одинокое чахлое дерево. Зрелище было скучное, и надворный советник старался туда не смотреть. То ли дело раньше, в кабинете Благово! Там окна выходили на Фонтанку и Михайловский замок, и Лыков мог долго сидеть на подоконнике. Давно это было…

Надворный советник рассказал помощнику о совещании и велел подготовить для Плеве всеподданнейший доклад. Валевачев впервые писал бумагу такому адресату. Он разволновался и стал требовать подсказок и образцов. Но шеф ответил коротко: вы напишите, а я посмотрю. И уехал на Гутуевский остров.

Хоть Дурново и запретил сыщику заниматься делом костеобжигательного завода, тот решил проверить одну свою догадку. Приехав на место, он сразу прошел к котельной. На воротах был новый сторож, не обративший на чисто одетого господина никакого внимания. Став напротив двери, Алексей начал подсчитывать в ней свежие отверстия от вчерашних картечин. Потом вынул нож и выковырял одну. А когда разглядел ее пристально, то присвистнул. Тут дверь распахнулась, и наружу вышел Шереметевский.

– Леш, ты чего? Хозяйские убытки меряешь?

– Эх, Леня, а еще опытный человек! Вот, хочу тебе версию подбросить.

– Дурново поручил тебе это дело? – сразу посерьезнел коллежский асессор.

– Наоборот, запретил соваться.

– Уф. Чего ж тогда ты здесь? Начальство надо слушаться!

– Сейчас открою тебе глаза, мальчонка, да и пойду своей дорогой. Ты знаешь, что такое согласованная картечь?

– Нет. Я не охотник, мне некогда.

– А зацепка нужна?

– Нужна, еще как. Честно ежели, не знаю, с чего начать. У мертвых не спросишь, а живые убежали.

– Тогда смотри сюда. Сколько дыр в полотне двери?

Шереметевский начал считать вслух:

– Три… пять… семь… четырнадцать… двадцать восемь! Ловко я вчера успел от них закрыться! Но что следует из того, что дыр именно двадцать восемь?

– Вот, – Лыков протянул товарищу свинцовую горошину. – Такими в нас стреляли. Сизов их вчера подобрал и вручил мне целую горсть. Но те были деформированные, а эту я выковырял из двери. Калибр две с половиной линии[16 - 6,5 мм.] – это так называемая волчья картечь.

– Большая… – пробормотал Шереметевский, перекатывая шарик на ладони, и поежился.

– Есть и крупнее, но и этой мало не покажется. Так вот. Стреляли с пятнадцати саженей, от ворот. А в полотно двери заряд лег очень кучно. Обрати внимание. Попади он тебе или мне в грудь – конец сразу.

Действительно, дыры в двери образовывали круг размером с тарелку.

– Понимаешь, отчего такая плотность?

– Ты давеча сказал что-то, да я не разобрал.

– Стрелок использовал концентратор.

– Леш, скажи по-русски! – взмолился коллежский асессор.

– Концентратор – это такая гильза в гильзе. Картечь набивается в нее, а сзади приделывается парашют – пыж на нитках. При обычном выстреле картечь сразу по вылете из ствола начинает разлетаться конусом. Радиус поражения больше, но, так сказать, густота поражения ниже. А при таком концентраторе дробь начинает разлетаться лишь на полпути к цели. И попадает в нее плотно, всем зарядом.

– Ага, мне повезло, это я понял. Но про двадцать восемь…

– Про двадцать восемь. Волчья картечь – крупная, сам видишь. И в гильзу обычного патрона ее убирается россыпью не более двух десятков. А тут в трубку меньшей длины запихали двадцать восемь штук! Это и есть согласованная картечь. Дробь уложена рядами, крест-накрест, с учетом радиуса закругления концентратора. Такое мог сделать лишь опытный охотник или оружейник.

– Теперь понял. Значит, мы должны искать охотника?

– Да. Какая-никакая, а зацепка. Помнишь, во что был одет убитый? Кожаные куртки часто носят охотники.

– Правда твоя, Алексей Николаич, спасибо за подсказку.

Лыков давно уже заметил, что неподалеку мнется с ноги на ногу бородач с неприятным тяжелым взглядом. Он был одет в дорогую тройку, в галстуке сверкал крупный солитер. Увидев, что обнаружен, бородач подошел к сыщикам и желчно осведомился:

– Этта кто тут шляется по моему заводу?!

– Ба! – недобро скривился Шереметевский. – Никак господин Кобозев собственной персоной. Тот, у которого печки покойниками топят. И уж не в

первый раз. У вас тут крематорий, оказывается, а промыслового свидетельства нет. Не пора ли получить?

Тряпичник на глазах стал покрываться красными пятнами. Он хотел осадить сыскного чиновника, но Лыков его опередил:

– Понадобишься – позовем. А теперь пошел вон!

Кобозев совсем смешался, не нашелся что ответить и быстро скрылся в заводском корпусе. Оттуда сразу же послышался его злобный рык: хозяин отводил душу на рабочих.

Приятели посмеялись, и Алексей уехал обратно в департамент. Как выяснилось, там его уже разыскивали. Надворный советник опять явился к Дурново. Тот раздраженно спросил:

– Зачем вы снова были на Гутуеве? Я же сказал: больше этим делом не заниматься!

– Виноват, хотел проверить одну идею.

– Проверили?

– Да. В нас вчера стрелял охотник. Заряд был начинен согласованной картечью. Какая-никакая, а зацепка Вощинину.

Дурново с запозданием вспомнил, что его подчиненный ночью выдержал заряд дроби, и немного смягчил тон.

– Ладно. Мне телефонировал градоначальник и просил выразить вам свою благодарность. И за костеобжигательный завод, и за Гусиную Лапу. Но я искал вас не для этого. Езжайте на Кабинетскую. Там злодеяние, и на этот раз по вашей епархии. На квартире обнаружен убитым некто Дашевский. Он служит по учреждениям императрицы Марии, сошка невеликая, но состоит в звании церемониймейстера! Пристав сообщил Вощинину, а тот, как и полагается, мне. Так что вас там ждут. Вечером ко мне с докладом.

Надворный советник взял у секретаря точный адрес, прихватил обоих подчиненных и отправился на место преступления. Особенная часть никогда еще не выдвигалась так, в полном составе. Пока ехали, Лыков разъяснил ситуацию. Впервые они расследуют убийство. А это именно оно, без сомнений: согласно рапорту, в спине у покойного торчит нож. Сыскные, выяснив придворный статус жертвы, тут же удалились. Не без удовольствия перепоручив дознание Департаменту полиции… Следователя даже не вызывали. Сейчас в квартире находятся помощник пристава и полицейский врач Московской части. Они передадут место происшествия и уйдут. Дальше сами.

– Сергей Фирсович, вы когда-нибудь раньше участвовали в дознании по убийству? – спросил Лыков чиновника для письма.

– Никак нет, – испуганно покаялся Шустов. – Я вообще их боюсь. Покойников, в смысле. Еду, а сам думаю: как бы мне бумагу спотворить и при этом, уж простите, не облеваться…

– Да я вам помогу! – неестественно весело воскликнул Валевачев. – Чай, спотворим как-нибудь!

– Как-нибудь не надо, Юрий Ильич, – одернул помощника Лыков. – Иначе суд может наши доказательства не принять.

– Вроде бы дела Особенной части до суда не доходят… – осторожно возразил Валевачев.

– Никогда не знаешь, кто будет читать твои протоколы, – вздохнул надворный советник. – Как говорится, делай хорошо, а плохо будет. Это я к тому, что на кровавое дело оба вы едете впервые. Так и быть, я помогу Сергею Фирсовичу составить бумагу. Вспомню молодость, когда по крышам с револьвером бегал. А вы, Юрий Ильич, смотрите и слушайте. Учитесь. Если хотите быть сыщиком – пригодится.

Выдав такую назидательную тираду, Алексей почувствовал себя старым самодовольным брюзгой, но переделывать не стал. Подчиненные ехали молча, слегка понурые. Да. Вот тебе и Особенная часть! Случилось обычное убийство, а протокол правильно написать, кроме Лыкова, некому.

Пролетка подъехала на угол Кабинетской и Ивановской. У подъезда заурядного доходного дома стояли городовой и несколько обывателей. «Что-то непрестижно для состоящего в должности церемониймейстера», – подумал сыщик, поднимаясь на третий этаж. Из дверей высовывались мятые физиономии, и пахло жареным луком. Лиговка с Ямской слободой, опять же, совсем рядом. Как тебя угораздило, милок, здесь поселиться?

Унылая квартира из четырех комнат выглядела неопрятной. Помощник пристава второго участка Московской части был Лыкову знаком, доктор тоже. Они обрадовались вошедшим – заждались, а своих дел полно. В квартире присутствовали также понятые: домовладелец и дворник. Алексей сразу же опустился на колени перед трупом. Доктор встал рядом, готовый дать пояснения.

Лежащий человек кажется выше, чем он есть на самом деле. Но жилец этой квартиры действительно был высок. Он распластался вдоль дивана лицом вниз. Из спины торчал нож – разбойничий, финский. Небольшая струйка крови протянулась по бархату домашней куртки и застыла, не дойдя до края.

– Хороший удар, – вполголоса сказал сыщик. – Даже пола не запачкал. Криков, видимо, не было?

– Какие уж тут крики, – вздохнул эскулап.

Осмотрев убитого со спины, Лыков осторожно перевернул его. Открылось лицо, не искаженное гримасой боли. Удивление и какая-то наивная обескураженность… На вид Дашевскому было тридцать три – тридцать пять лет. Правильные черты портил низкий лоб. Густой чуб, очевидно, должен был скрывать этот недостаток. Общее впечатление: человек как человек. Молодой, при должности – жить бы да жить. А вон как вышло.

– Холостяк? – спросил Алексей у помощника пристава, окинув опытным взглядом обстановку.

– Бобыль, – блеснул тот простонародным словцом. – Про родню ничего не знаю, не выясняли. А вот знакомые к нему ходили, коридорный сказывал. Он тут. Позвать?

– Позже. А прислуга у покойного была?

– Имелся лакей с незамысловатой фамилией Петров. Но он до сих пор не отыскан.

– Вот как? – вскинулся Лыков. – Хозяина зарезали, замки целы, а лакей не отыскан?

– Именно. Приняты меры к розыску, но пока безуспешно.

Сыщик снова повернулся к доктору:

– Убийство совершено ночью?

– Судя по трупному окоченению, вечером. Между восемью и двенадцатью часами.

– А кто нашел тело и вызвал полицию?

– Коридорный Дериглазов, – ответил помощник пристава. – Может, все-таки позвать его?

– Я сам. У вас и так день насмарку.

– Да уж… – пробурчал штабс-капитан. – Мы, конечно, Департаменту полиции всегда поможем. Тем более слышали, как вы вчера на Гутуевском вместе с сыскными картечь отражали… Но хочется уже откланяться.

Надворный советник не стал томить коллег. Он разрешил увезти труп и отпустил городскую полицию, включая городового у подъезда. Попросил только доктора соблаговолить прислать ему на Фонтанку протокол вскрытия. Вскоре департаментские остались в квартире одни, если не считать понятых. Алексей послал Валевачева собрать показания соседей, а сам начал осмотр места

происшествия.

Первое, что привлекло его внимание, – это портрет августейшей четы на стене в гостиной. Аляповатый холст, сделанный по лекалам Апраксина рынка, не был рассчитан на хороший вкус. Не олеография, как в дворницкой, но порядочная ляпня. Таких дурных портретов в частных квартирах Лыков еще не встречал. Странно…

Под холстом на бюро стояла фотография какого-то важного господина в галунном мундире с дарственной надписью. Вглядевшись, сыщик узнал обер-церемониймейстера Двора князя Долгорукого-второго. Надпись гласила: «Устину Алексеевичу Дашевскому на память».

Алексей продолжал осмотр. Он не нашел в квартире никаких ценных вещей и ни копейки денег. Один ящик бюро был выломан кочергой и валялся на полу, остальные похитители не тронули. Видимо, знали, где искать… Отсутствие лакея сделалось еще подозрительнее. Надворный советник отправился в его комнату и обыскал ее особенно тщательно. Под кроватью он обнаружил скомканный клочок бумаги. Это оказался билет государственного займа восемьдесят шестого года с одним неотрезанным купоном. Лакей разбрасывался доходными бумагами? Или подбросили нарочно, чтобы подумали на него?

В целом обстановка в квартире Дашевского давала пищу для ума. Очевидно, небогат. Любит придворные побрякушки. Убийство, скорее всего, совершено с целью ограбления. Хоть брать у покойного особенно и нечего, в Петербурге сплошь и рядом резали и за меньшие суммы. А ударил ножом кто-то свой. От кого Дашевский не ждал и спокойно подставил спину.

В завершение обыска Лыков собрал бумаги убитого в заранее приготовленный портфель. Потом продиктовал сидевшему без дела Шустову протокол осмотра места происшествия. Подписал его и обратился к домовладельцу:

– Простите, что держу вас так долго, но ничего не поделаешь, процедура… Как вас по имени-отчеству?

Высокий рыхлый детина представился действительным студентом Степаном Степановичем Осиным-Бруно. Сорок лет человеку, а он студент… Видать, курс лекций прослушал, но экзамен сдать не смог. А потом подвернулось наследство,

и теперь он до смерти будет представляться таким несерьезным званием. Осин-Бруно сразу заговорил о том, что волновало его больше всего: когда можно будет опять сдать квартиру внаем? Надворный советник вошел в его положение. Зачем вредить человеку? И разрешил студенту вывесить билет через три дня. Пусть выдержит небольшую паузу на всякий случай да и пускает новых жильцов. Если же придет на имя покойного какая корреспонденция, сыщик велел переслать ее в департамент. Домовладелец повеселел – три дня не срок – и охотно дал убитому характеристику. Выражений при этом он не выбирал.

По его словам, Дашевский был личностью малосимпатичной. Заносчивый, высокомерный – и при этом нечистоплотный в денежных расчетах. Устин Алексеевич очень гордился, что состоит в должности церемониймейстера. Мог часами говорить о том, как протекает придворная жизнь, хвастал знакомствами, сыпал громкими именами. Недавно заявил, что определенно переходит в действительные церемониймейстеры, вопрос уже решен и нужно лишь дождаться Рождества. А сам всегда задерживал плату за квартиру, дрова, свечи, даже за самовар коридорному. Причитающиеся деньги отдавал очень неохотно, с такой гримасой, будто одолжение делал…

– Почему не отказали эдакому фрукту? – спросил Лыков.

Действительный студент пожал плечами.

– Многие из жильцов тянут с оплатой. Если всех выгонять, останешься без доходу. А тут придворный человек! Лестно было иметь такого в доме – производило впечатление на соседей. Вот и терпел.

– В суд не подавали?

– Нет, только стращал, когда Устин Алексеевич совсем уж совесть терял. Да у него и без меня скандалов хватало. Он же с собственным лакеем судился!

– С Петровым?

– Точно так. К мировому ходили спор разбирать.

– А что за спор?

– Я толком не помню. Это вам надо у коридорного спросить, он с тем Петровым вроде как приятельствовал.

– Спрошу. Но вы сами какого мнения о Петрове?

– Фу! Ленив и неаккуратен. Деревенщина с фасонами! Но они с хозяином удивительно подходили друг другу. Каков поп, такова ему и свечка…

– Ясно. Еще вот о чем спрошу: хозяин мертв, двери не взломаны, а лакея нет. Согласитесь, наводит на мысли.

Осин-Бруно взмахнул руками:

– Ну что вы! Чужая душа, конечно, потемки… всякое бывает… Но Петров! Для такого дела характер нужен. Впрочем, лучше вам спросить Дериглазова. Я от прислуги далеко отстою, могу и ошибиться.

– Еще вопрос. В последнее время не замечали ли вы в поведении вашего жильца чего-то странного? Или нового? Сделался вдруг нервен или щедр… Завел даму и собрался жениться… Поссорился с кем-то… Гости новые завелись, каких раньше не было…

– Да, кое-что приходит на ум. И все по вашему списку предположений!

– Вот как?

– Будто нарочно. Во-первых, у Дашевского откуда-то вдруг взялись деньги. Неделю назад он погасил все долги и даже заплатил за квартиру до первого сентября. Чего прежде никогда не случалось!

– Ага. Неожиданно разбогател. Далее!

– Во-вторых, появилась дама! Это чуть раньше. Примерно с начала мая. Лет тридцати, может, немного старше. Кто их поймет? Так намажутся, что с толку собьют.

– Именно дама, а не?..

– Самая настоящая. Тех-то мы знаем, тоже приезжали. И хоть на вид фу-ты ну-ты, а все равно видать! Эта не из таких. Порядочная. Богато одета, со вкусом и наряды часто меняет. Три или четыре раза Устин Алексеевич привозил ее к себе на извозчике. Когда встретился мне на лестнице, самодовольно так пояснил, что богатая вдова и без ума от него…

– А фамилии не называл? Или хоть имени. Любопытно было бы найти эту вдову.

– Нет, не говорил. Вот. А в субботу снова попался и сказал, что хочет жениться. Я спросил когда. У меня на втором этаже хорошая квартира пустует, интересно было бы им сдать. Дашевский ответил, что как только перейдет на службу в Экспедицию церемониальных дел, так тут же и венчание. А уже спускаясь по лестнице, обернулся и добавил с обычным своим хвастовством: «За ней двадцать тысяч годового дохода и собственный дом! Так что ваша квартира нам не интересна».

– Спасибо за рассказ, господин Осин-Бруно. Пришлите мне сюда сначала Дериглазова, а потом дворника, и не смею более вас задерживать.

Вместе с коридорным появился и Валевачев. Он уже обошел соседей и теперь сел по правую руку от начальника – учиться вести допросы.

Коридорный, лохматый шустрый парень в засаленной жилетке, тут же заявил:

– Вообче-то, я про Петрова ничего не знаю…

– Погоди, – остановил его Лыков. – Пиво вместе пили?

– Единый тока раз.

– А что так мало?

– А он жадный, Петров-те. Надо бы поровну платить, а он сказал – денег нету. В другой-де раз. Я трижды напоминал, а он одно: нету да нету. Вот-де у барина пятерку отсужу, тогда и угощу.

– А что за пятерка?

– Барин на его жалованье вычет наложил. За разбитую, значит, посуду. Петька сперва смирился. А потом кто-то ево научил к мировому пойти, он и обратился.

– И что, отсудил?

– Отсудил, как есть! – радостно воскликнул коридорный.

– А пиво поставил?

– Не поставил, овечья душа…

– Вот стервец. А вы с ним не земляки?

– Каки земляки?! Я казанский, а он псковской. Здеся познакомились…

– Что о нем можешь сообщить? Баба у него есть? Или родня в городе? В гости он ходил? И вообще, куда твой Петька подевался? Понедельник, а его нет. Часто он раньше загуливал?

Дериглазов наморщил лоб.

– Нет, он не гуляка. Скорее домосед. Танцульки не жалует, а в трактир ходит тока за чужой счет. Скучный человек! А про фурсетку его али родных сказать ничего не имею. Неприятный он, Петька, нелепый. С таким и водиться-те противно.

– А как Петров со своим барином уживался?

– Плохо. Жалованье ему господин Дашевский всегда задерживал. Вот, пять рублев хотел отвинтить, за будто бы чайную пару, что Петька уронил. А тот возьми да и скажи: не ронял я! Свидетелев тому нет. И мировой его сторону и взял. А сначала Петька соглашался, что виноватый.

– А кто на самом деле те чайники разбил?

– Думаю, он и разбил. А на суде его надоумил какой-то хитрый человек. И Петька сказал: не я.

– А кто же?

– Он сказал: шел под окнами ломовой обоз, случилось сотрясение земли, чайнике-те и низверглись.

– И судья присудил вычет отменить? Ловко!

– Еще бы неловко! Я и говорю – хитрый человек надоумил. Сам Петька дыролобый, в жизни бы не догадался.

– Не пойму, почему барин такого неряшливого слугу не рассчитал? Ленивый, посуду бьет, судится. Взял бы давно другого, а этого бы выгнал.

– Привык, может, – недоуменно пожал плечами коридорный. – Он сам, господин Дашевский, был с придурью. И вот поди ж ты – кому-то помешал. Ваше высокоблагородие! – воскликнул вдруг Дериглазов. – Неужто это Петька барина зарезал?

– Ты мне сам скажи, он или не он. Я-то Петьку не знал, а ты с ним пиво пил.

– Да единый тока раз! – чуть не взвыл от досады парень. – Кабы я знал! А с другой стороны… какой из него убивец? Дурак дураком, и зла в нем нету…

– Что Петров за человек? Вот ты говоришь: скучный, ленивый, противно с ним водиться. Но кровь лить – это не чайники бить. Способен он на это или нет?

– Он такой: ни то ни се. Никчемный. А убить – тут характер подавай! Характера-те у него и в недодаче.

Лыков перевел разговор на посетителей Дашевского и узнал некоторые важные подробности. Ходила барыня, добрая и веселая. Одна. Сначала-то с неизвестным господином приехала, а потом стала уж без него. Господа бывали, но не так чтоб часто. Раз случился в квартире у них скандал, на Пасху. Петька сказывал: его барину другой барин кулаком в рожу заехал. Но кто и за что, он, Дериглазов, не

знает.

Наконец Лыков отпустил коридорного. Валевачев тут же фыркнул:

– Тоже психолог выискался! Характеру нету, чтобы убить! Будто у всех убийц обязательно есть характер.

Губернский секретарь, человек еще молодой и неопытный, имел по всякому вопросу собственное мнение. Лыков это поощрял, как в свое время Благово поощрял в нем самом самостоятельность суждений. Но теперь он возразил:

– Вы правы в отношении большей части душегубов. Чтобы убить по пьяному делу, ни характер, ни фантазия не нужны. Но я знавал и крепких, незаурядных злодеев. У нас же здесь, напомню, умышленное убийство. И пока никаких улик.

Опрос дворника не добавил ничего важного. Впрочем, как и соседей, которых обошел лыковский помощник. Знакомая картина! Так всегда бывает, когда расследуется преступление. Никто ничего не видел и не знает. Избегают на Руси полицию. Потом ведь по судам затаскают… Да и соваться в чужие дела нет резона.

Оставаться на Кабинетской было больше незачем, и Особенная часть возвратилась в департамент. Там каждый занялся своим делом. Шустов под диктовку надворного советника стал писать рапорт Дурново. Валевачев же отправился к начальству убитого – навести справки.

В шесть вечера Лыков вернулся с доклада и отпустил Шустова домой. Валевачев сидел за своим столом, собранный и серьезный, – ждал разговора. Нравится ему по молодости, что убийством занимается! Не заела пока рутина.

– Ну, Юра, давай подведем итоги, – начал сыщик, и его помощник сразу взялся за блокнот.

Лыков обращался к помощнику на «ты», лишь когда они оставались вдвоем. А так щадил самолюбие. Даже Шустов не знал этого. Чиновник для письма был необходим в силу специфики дел Особенной части. Ее доклады читали не только оба Дурново – иногда они доходили и до государя. Сергей Фирсович был одним

из немногих в департаменте машинистов. Он быстро и без ошибок набирал на пишущей машине и за это особо ценился начальством. Даже прибавку к жалованию получал за свое умение. Аккуратный и ответственный, он был надежен как скала. Случалась необходимость всю ночь работать для августейшего доклада – и Шустов без ропота колотил по клавишам. А утром как ни в чем не бывало сидел в кабинете, украдкой подремывая и не просясь домой. Это честное труженичество нравилось Лыкову. Есть такие работники, что всем рассказывают про свою большую занятость. Шустов тащил воз скромно и молчаливо. Да, он был зауряден, к тому же обременен заботами о двух сестрах – старых девах. Без брата те не могли себе и чаю в лавке купить… Но Алексею с коллежским регистратором детей не крестить. Никакой близости между ними, разумеется, не возникало, и сыщика это вполне устраивало.

Не то Валевачев. Образованный, несмотря на молодость, он любил книги и читал без перерыва. Причем не абы что, а серьезную литературу. Еще Юрий любил и понимал музыку, чему его шеф прямо завидовал. Самому Лыкову кто-то большой наступил на ухо, и в опере он скучал. Надворному советнику нравился его помощник, но по-отечески: нет-нет да приходилось его воспитывать. В Алексее сидела глубинная потребность иметь вблизи себя человека, которому можно доверять. Иметь на службе – друзья и семья не в счет. Валевачев для этого годился, но требовал работы. Лыков был и не прочь учить, натаскивать, растить. В свое время в него много вложили, и теперь он хотел отдавать. Лучше всего было учить в совместных передрягах. Но тихая нынешняя деятельность таких испытаний не предоставляла. Может быть, новое дело вывернет опасным боком?

– Ну, какая у тебя версия? – серьезно спросил Лыков.

– Та же, что и у вас!

– То есть убил все же лакей?

– Слишком многое на это указывает, – уверенно сказал Валевачев. – И сама его пропажа – ясно, что испугался и сбежал! И целые дверные запоры. Отсутствие следов борьбы. Ящик бюро. Ссора с хозяином. Что-то забыл?

– Купон под кроватью.

– Да! Купон валялся не где-нибудь, а именно под постелью лакея. Все сходится. Люди, что навещали Дашевского, все были из общества. Темных знакомств убитый, судя по всему, не имел. И вообще был человек… придворный. Вы с чем-то не согласны?

– Правильнее сказать, кое-что меня в твоей версии смущает.

Юрий даже привстал:

– Что?

– Удар ножом. Так не бьют лакеи.

– То есть? Поясните!

– Убить взрослого здорового человека непросто. Ты об этом не знаешь, слава богу, так что поверь мне на слово. А тут с одного замаха точно под лопаточную кость. Если бы ты так захотел – ни за что не получилось бы.

– А у вас бы вышло?

Лыков погрустнел:

– Чем старше делаюсь, тем больше жалею тех турецких аскеров… Одиннадцать человек живыми привел, а скольких положил… Это пока молодой, никого не бережешь, ни себя, ни других. Так вот. Бил не лакей. Может быть, он подводчик. Наверняка сообщник! Впустил в дом, отвлек внимание… Но сам не убивал.

Губернский секретарь помолчал, обдумывая услышанное, потом тряхнул упрямо головой:

– Не согласен. У кого угодно может случайно выйти такой удар.

– Думаешь так – твое право. Тебе и поручим тогда поиск Петрова. Ты был в участке?

– Да. Петр Орестов Петров, – Юрий заглянул в блокнот, – происходит из крестьян Михайловской волости Порховского уезда Псковской губернии. Вид недавно продлен, подати уплачены. Никаких порочащих его сведений у полиции нет.

– Родня в столице?

– В участке об этом тоже неизвестно. Искать через адресный стол считаю бессмысленным – сколько в Петербурге окажется Петровых?

– Из Порховского уезда – немного.

– Хм… Вы полагаете, надо попробовать?

– Нет, отыскание родни мы поручим сыскной полиции. А ты бери ноги в руки и езжай в Михайловскую волость. Найди его родителей. Успеешь на ночной поезд.

– Вы допускаете, что Петров укрылся у себя в деревне? Но это же глупо! Там его в первую очередь будут искать!

– А твой подозреваемый не из умников. Если он зарезал Дашевского, то начинай поиск сразу с волостных кабаков. Запросто может сидеть там и пропивать добычу!

– Понял! – вскочил Валевачев. – Уже лечу. А вы чем займетесь?

– Буду разбирать бумаги покойного. Ты был у него на службе?

– Да. Сообщил о несчастье помощнику главноуправляющего Раевскому. Как мне показалось, тот не сильно расстроился…

– Завтра схожу туда, поговорю с сослуживцами.

– А стоит ли тратить время, Алексей Николаевич? – ухмыльнулся помощник. – Если я вам через два дня убийцу привезу?

– Ты, Юра, езжай. Если доставишь убийцу, я тебе пряников куплю. Но сам пока стану прорабатывать другие версии.

Губернский секретарь, бодро топая длинными ногами, убежал собираться в дорогу. А Лыков разложил бумаги и углубился в их изучение.

Он нашел эту записку через два часа, когда уже хотел идти домой. Черновик письма на имя главноуправляющего Собственной Его Императорского Величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии графа Протасова-Бахметева лежал вместе со счетами от шляпника. Почерком убитого там было написано следующее:

«Ваше сиятельство граф Николай Александрович!

Считаю своим долгом, служебным и нравственным, доложить о творящихся беззакониях. Начальник управления по продаже игральных карт коллежский советник Труфанов обогащается мошенничеством. А именно продает владельцам клубов и иных заведений с допущенными карточными играми акцизные бандероли. Те оклеивают указанными бандеролями незаконно произведенные карточные колоды и продают игрокам. Сами колоды фабрикуются в Польше. Незаконный доход Труфанова простирается до 15000 рублей! Если Ваше сиятельство соблаговолит выслушать меня, я предоставлю все доказательства. Остаюсь Вашего сиятельства преданный слуга коллежский асессор, состоящий в должности церемониймейстера Устин Дашевский».

Черновик носил следы чьей-то правки. Тонким пером, черными чернилами было зачеркнуто в начале письма «граф Николай Александрович» и оставлено только «Ваше сиятельство». А сумма в пятнадцать тысяч рублей оказалась исправлена на пять тысяч.

У Лыкова от возбуждения даже зачесалось ухо. Вот находка! Донос вышестоящему начальству на начальство непосредственное. Причем смахивает на инсинуацию: якобы мошеннический доход росчерком пера уменьшен втрое. Кто же тот корректор, который подправлял текст? И чем такой донос не повод для преступления?

Алексей прикинул, сколько же бандеролей должен продать Труфанов, чтобы заработать пятнадцать тысяч. Сама марка стоит тридцать копеек за дюжину

колод. Значит, начальник управления запустил в незаконный оборот в столице сто тысяч дюжин! Фантастическая цифра, явно взятая с потолка. Даже уменьшенная втрое, она кажется нереальной. А как украсть такую прорву бандеролей? Они делаются в Экспедиции по заготовлению государственных бумаг, и, конечно, там налажен их учет. А вступить в стачку с картежными атаманами? Вовлечь в мошенническую схему десятки людей! Кто-нибудь да проболтается. Неправдоподобное до глупости обвинение. Состоящий в должности явно оболгал своего начальника. И ему в этом подсобляли.

Оставшиеся неразобранными бумаги Алексей отложил до завтра. Девятый час, пора и честь знать. Варенька с детьми скоро уедут в Варнавин на все лето. Как только там спадут комары… Сейчас Лыкову следовало забрать с Моховой всю шайку и отвести на прогулку в Летний сад.

Шайка собралась быстро. Николка по прозвищу Чунеев и Павлука по прозвищу Брюшкин вышли в щегольских матросках. У них был период увлечения пиратами, поэтому в поход взяли деревянные сабли. Абордажным бойцам в сентябре стукнет по семь годов! О-го-го! Дочке Сашеньке нет еще и двух, и прозвищ у нее, у любимой, много: Перышко, Принцесса Шурочка, Нюнька… Малышку в плетеной коляске везла няня Наташа. Варвара Александровна шла налегке. Во-первых, так и полагается гранд-даме, а во-вторых, она снова в положении, на шестом месяце. Тяжелого таскать нельзя. Алексей нес корзину с бутербродами и, для себя, бутылку пива. Компания весело ворвалась в сад и застряла там на час. Петербуржцы уже начали разъезжаться по дачам, публики стало заметно меньше. Летние ночи, которые так любил Лыков, заставили его забыть о делах. Только когда дети начали шумно зевать, семейство вернулось домой.

Утром Лыков заглянул в департамент, убедился, что никому из начальства не нужен, и отправился на Казанскую, 7. Здесь в унылом трехэтажном здании помещалась Канцелярия по учреждениям императрицы Марии. Сыщик решил сначала поговорить с помощником главноуправляющего Раевским. И только потом, если беседа не задастся, встретиться с Протасовым-Бахметевым. Почтенный граф, знаменитый своей казацкой челкой, был известен также и своей простотой. Той самой, что хуже воровства… Честный и порядочный человек, но – туповат. Никаким делом самостоятельно руководить он не мог, значит, оно находится в руках у помощника. И начать лучше с него.

Статский советник принял сыщика сразу. Умный, немного желчный, он оказался именно тем человеком, который требовался Лыкову. После нескольких дежурных фраз Алексей заговорил о деле. Он протянул собеседнику черновик письма Дашевского и сказал:

– Вот, было в бумагах. Явно ложный донос. Не подскажете, покойный действительно вручил его графу?

Статский советник бросил взгляд на бумагу и скривился.

– Да. В апреле. Дашевский сильно скандализировал и едва не добился своего. Граф не любит историй, и ему проще в таких случаях уступить. Но я… мы сумели убедить его сиятельство, что тут навет.

– И бумага осталась без последствий?

– Именно. Труфанов легко оправдался, ложь оказалась слишком примитивной. Если даже полиция это заметила…

В голосе Раевского скользнули язвительные нотки.

– И коллежский асессор после такого продолжил службу?

– Как ни в чем не бывало! Конечно, отношения оказались безнадежно испорченными. Но Дашевского это не смущает! Не смущало… Вот ведь бессовестный человек!

Помощник главноуправляющего тихонько, изящно стукнул кулаком по столешнице, после чего продолжил:

– Мы в канцелярии не хотели больше знаться с этим… Устином Алексеевичем. К счастью для него, а пожалуй, и для нас, он в Рождество должен был перейти на службу в другое ведомство.

– В Экспедицию церемониальных дел?

Статский советник с интересом поглядел на сыщика.

– Что, уже догадались?

– На черновике есть правки. Это ведь редакция Долгорукова?

– Не так глупа наша полиция, как о ней говорят, – словно под нос себе констатировал Раевский. – Простите, вырвалось. Да, вы правы: это его чернила. Обер-церемониймейстера, тайного советника князя Долгорукова-второго. Первым считается его старший брат, бывший посланник в Персии. Но Александр Сергеевич на самом деле первый. Это главный в Петербурге интриган! Много более бессовестный, чем его протеже Дашевский.

– Князю понадобилось место Труфанова, и он решил руками его подчиненного это место очистить?

– Алексей Николаевич, я очень рад, что это дело попало именно к вам. Прошу извинить меня за предыдущие… намеки.

– Значит, я прав в своей догадке?

– Истинно так. Князь Долгоруков решил пристроить в наше ведомство своего родственника, молодого графа Апраксина. Тому пришлось уйти из Конногвардейского полка по беспокойному характеру. Куда ж такого, как не к нам! И сразу в начальники управления по продаже игральных карт. Видимо, из тех соображений, что граф понтирует смолоду. Значит, справится с должностью!

– Но наскок отбили, – завершил мысль Лыков. – И глупый бессовестный Дашевский остался не у дел. Долгоруков посулил ему за помощь в интриге перевод в церемониймейстеры… Как, по-вашему, князь собирался выполнить свое обещание?

– Насколько я знаю, да. В середине мая наш главноуправляющий получил запрос от Воронцова-Дашкова[17 - И. И. Воронцов-Дашков – министр Двора и уделов.], нет ли препятствий к переводу Дашевского в Экспедицию церемониальных дел. Конечно, препятствий не оказалось. И мы решили, что избавились от этого господина без принципов. И вот! Хорони его теперь…

Лыков поблагодарил за беседу и откланялся. Версия с причастностью письма к убийству не подтвердилась. Оставался лакей. Неужели завтра Валевачев действительно привезет его и дело можно будет отдавать следователю? Ох, не верится…

Остаток дня надворный советник просматривал бумаги погибшего. Он отложил в сторону два письма, начертанные женской рукой. Вместо подписи стояли буквы «МГ». Кто она? Раевский на вопрос, есть ли у Дашевского приятели, ответил: навряд ли! Жил человек, делал карьеру, собирался жениться. А помер – и спросить о нем некого… Вот случись беда с Лыковым (не дай бог, конечно!), кто может о нем рассказать? В первую очередь, разумеется, жена. Потом барон Витька, лучший друг. Сослуживцы по департаменту что-то дополнят. Леня Шереметевский из сыскной. Пристав Закс-Гладнев. Городовой первого разряда Кундрюцков. Варнавинский житель Титус, москвич Горсткин и нижегородец Форосков. Хорошая компания получается! Каждый что-то знает об Алексее, а вместе они знают о нем все. А тут? Пришибли человека, и осталось от него три бумажки.

На этой невеселой ноте сыщик отложил дознание и отправился в Военное министерство. Старший делопроизводитель Военно-ученого комитета флигель-адъютант полковник барон Таубе (ишь сколько титулов накопил, шильник!) оказался на месте. Алексей заявил ему, что у него по службе перекур, выпал свободный вечер и хорошо бы им посидеть часика два в «Лейнере». Виктор идею одобрил, но сказал, что сегодня его тянет лаптем щи похлебать… И предложил посетить заведение «В.И. Черепенников с сыновьями» на Литейном. Ребята из штаба гвардии там были и хвалили селянку. Приятели условились сойтись в ресторане к семи часам, и надворный советник вернулся в департамент.

Он решил не перебивать аппетит и дома не обедать. Эх, прошла молодость! В свое время, будучи нищим титулярным советником, Лыков в складчину с тремя товарищами кормился у одной вдовы на Спасской. За тридцать пять рублей в месяц аккуратная женщина предоставляла ежедневный обед, и ни разу он его не пропустил… А теперь вон брюхо растет.

В четыре часа в комнате Особенной части пили чай. Организовал традицию Лыков. Он же, как человек обеспеченный, закупал все необходимые принадлежности, кроме сахара. На сахар сбрасывались участники клуба, которых набиралось около десятка. Поскольку чай у Алексея всегда был высшего сорта, на него приходили даже два статских советника. Дежурный

служитель вносил самовар, Шустов раскладывал пастилу с баранками, полицейские чиновники блаженствовали. Но сегодня по случаю лета явились лишь два приятеля Алексея из Третьего (Секретного) делопроизводства. Да и те быстро убежали на совещание. Лыков с Сергеем Фирсовичем остались вдвоем. Сыщик спросил о новостях, но таковых не оказалось. Телеграммы от Валевачева не было; видимо, хвалиться ему нечем. Михайловская волость находится неподалеку от станции Дно Московско-Виндавско-Рыбинской железной дороги – добираться из Петербурга удобно. Но все равно за один день можно не обернуться. Если завтра-послезавтра Юрий вернется с пустыми руками, придется бросить на поиски лакея все силы градоначальства. Есть некоторая вероятность, что губернский секретарь взял Петрова с поличным, с карманами, полными украденных денег. А молчит, чтобы утром сделать сюрприз. Но это завтра и узнаем…

Шустов стал спрашивать о ходе дознания, и разговор сам собой перешел на убийства. Чиновник для письма служил в Департаменте полиции уже семнадцать лет, но впервые увидел труп только вчера. Нож в спине произвел на него сильное впечатление. Сергей Фирсович, жмурясь от ужаса, рассказал, что ночью ему привиделся покойник. Он требовал найти убийцу и сообщил, что того зовут Родион! Лыков обещал разобраться с этим Родионом и посоветовал на ночь пустырника.

Так они почаевничали. Лыков унаследовал от Павла Афанасьевича шитый бисером подстаканник и пил только из него. Подстаканник был подарком одной хорошей женщины, на которой Благово едва не женился. Когда учитель умер, Лыков послал короткое письмо в Нижний Новгород – адрес он знал. С тех пор изредка на могиле ему попадались свежие цветы. Раз в год, не чаще. Алексею хотелось думать, что это от нее.

В шесть часов надворному советнику пришлось все же идти к директору. Петр Николаевич задал несколько коротких точных вопросов, понял, что дознание как следует еще и не началось, и отпустил Алексея. Тот в свою очередь отпустил Шустова и пешком отправился в ресторан.

Более всего сыщик любил Петербург в мае и октябре. Начало июня тоже годилось. Летний вечер тянется, тянется и никак не перейдет в ночь… Раз – и уже утро! Лыков по Пантелеймоновской вышел на Литейный. Напротив блеснули купола Преображенского всей гвардии собора. Он любил этот храм – здесь крестили всех его детей. Народу на проспекте было мало, и неуловимо витал дух

легкой праздности. Почти как в Варшаве! Хорошо…

Стройную фигуру барона сыщик разглядел издали. Вот ведь везунчик. Все встречные дамы незаметно оборачивались на высокого красавца с выразительным умным лицом и георгиевским темляком на сабле. И так будет до самой старости. А он, Лыков, замухрышка… Как только Лидия Павловна за мужа не боится?

Приятели действительно хорошо отужинали. Настроение стало настолько благостным, что Алексей даже решился спросить полковника о Буффаленке[18 - См. книгу «Мертвый остров».]. Тот ответил одной фразой: все в порядке, вживается. Дальнейшее любопытство было неуместным, и сыщик перевел разговор на жен. Собственно, для этого он и пригласил приятеля. Варенька в положении, а ей скоро ехать в Варнавин. Там, конечно, есть доктора, целых два. Но мало ли что? А Лидия Павловна – дипломированный врач, много родов приняла. Заглянула бы она на Моховую, посмотрела, не опасно ли Варваре уезжать из столицы.

В словах Лыкова был и другой, скрытый смысл. Разумеется, в Петербурге можно найти акушерку и поопытнее баронессы Таубе! Но их жены, в отличие от мужей, до сих пор как следует не подружились. Разный жизненный опыт, разные характеры. И Алексей решил: надо чаще звать Лиду к себе под любым предлогом. Глядишь – и сблизятся женушки…

Еще он пригласил баронессу Таубе с дочерью погостить в Нефедьевке. Дачный вопрос был для полковника болезненным. Со своим скромным окладом он мог снять разве что полумызок на берегу Финского залива, без удобств и далеко от железной дороги. А дочка росла слабенькая, у нее развивалась эмфизема легких. Таежные леса, ягоды, купание в Ветлуге очень бы пригодились девочке, и Виктор с благодарностью приглашение принял.

В итоге надворный советник явился домой под мухой и получил от Варвары Александровны выговор. Без занесения в формуляр… Оправдываться не стал, вытребовал чаю и засел в кабинете со сборником рассказов модного литератора Чехова. Сборник назывался «В сумерках». Чехов интересовал сыщика тем, что побывал на Сахалине на следующий год после него. И, по слухам, готовил книгу о Мертвом острове. Вот что Алексей желал бы прочитать! Описаны ли там Кононович, Железный Нос Шелькинг, жуткие каторжные нравы? Но книги пока не было, а рассказы у хмельного книгочея не пошли, и он улегся спать.

Весь следующий день Лыков потихоньку нервничал. Телеграммы опять не случилось. Вот балбес его помощник! Надо сделать ему замечание: есть ли новости, нет ли – обязан доложить. Из-за этого ожидания дознание у Лыкова шло вяло. Что тут дознавать? Ложись спать, а проснешься – все узнаешь… Сыщик превозмог раздражение и отрядил Шустова в адресный стол. Велел переписать всех Петровых, что родом из Порховского уезда, а также всех Дашевских. Сам он зашел к Шереметевскому и попросил справку о порховских Петровых из картотеки сыскной полиции. И наконец вызвал на явочную квартиру своего осведомителя штабс-капитана Афанасьева.

Этот офицер занимал скромную должность в Санкт-Петербургском дворцовом управлении. Называлась она заковыристо: смотритель за наружной чистотой и металлическими сооружениями по Зимнему дворцу и Эрмитажу. Служба заурядная – инспектировать трубы да чугунные лестницы, но главное – штабс-капитан был свой человек в дворцовой прислуге. От него не прятали тайн.

Надворный советник поставил осведомителю задачу. Убит состоящий в должности церемониймейстера некто Дашевский. Что говорят об этом событии? И что вообще творится в Экспедиции церемониальных дел? Штабс-капитан, не задавая лишних вопросов, откозырял и ушел.

На Рождество Афанасьев неожиданно обратился к Лыкову с личной просьбой. Его младший брат, поручик Московского полка, спьяну ударил студента. Студент оказался не из простых. Его папаша сумел доставить протокол о происшествии великому князю Владимиру Александровичу с комментариями. Несдержанного поручика должны были перевести в армейский полк, за Урал. Штабс-капитан очень просил как-нибудь спасти брата. Лыков думал недолго. Беспокоить Дурново ему не хотелось. И сыщик пошел к тогда еще живому градоначальнику Грессеру. Он заявил Петру Аполлоновичу, что в интересах безопасности в столице один протокол хорошо бы похерить. Грессер сморщился и несколько минут думал, какая связь между пьяным поручиком и безопасностью в столице. Однако Лыков настаивал, а репутация его в градоначальстве была высокой. И генерал мудро рассудил не ссориться с Департаментом полиции. Мало ли что там за дела? Кроме того, и на это Алексей тоже рассчитывал, Грессер терпеть не мог командующего гвардией и охотно подсунул свинью великому князю. Когда Алексей вручил злосчастную бумажку Афанасьеву-старшему, тот готов был руки ему целовать. Поэтому сейчас, сыщик знал, его задание будет выполнено с душой.

Вчера в Канцелярии по учреждениям императрицы Марии Лыкову сделали копию с формуляра Дашевского. Изучение документа не дало никаких полезных зацепок. Тридцать четыре года, из потомственных дворян. Отец – коллежский советник, мать – урожденная Ададурова; оба уже умерли. Братьев и сестер нет, к суду не привлекался, в браке не состоял. Поступил в Училище правоведения, но вскоре оттуда ушел. Неизвестно чем занимался год, потом поступил на юридический факультет Петербургского университета. Выпущен губернским секретарем в МИД, помощником юрисконсульта. Через два года перевелся на службу в Министерство народного образования, в канцелярию по делам греко-униатского исповедания. Еще через три оказался уже в Департаменте общих дел Министерства государственных имуществ, откуда и перешел на последнее место службы. Похоже, нигде не приживался. Как такой человек смог получить придворное звание? Ответ Лыков нашел в формуляре. Главноуправляющим СЕИВ[19 - СЕИВ – Собственной Его Императорского Величества.] Канцелярией до Протасова-Бахметева был Иван Николаевич Дурново. Отсюда он и взлетел в министры. Добрый человек всегда за кого-то хлопотал. И любил баловать подчиненных в малых чинах. Видимо, Дашевский смог втереться к «большому» Дурново в доверие.

Лыков отложил формуляр и стал дожидаться Шустова. Тот вернулся с небогатым уловом. В Петербурге проживало четверо Петровых, приписанных к Порховскому уезду: купец и три крестьянина. Отчества Орестович никто из них не имел. Купца Лыков сразу отвел. Большой человек! Член котировочного комитета яичной, масляной и курятно-дичной биржи… Алексей заарендовал извозчика и поехал по адресам крестьян. Начались его мытарства. Никого из разыскиваемых дома не оказалось, пришлось обращаться к ним на службу. Ивана Петрова, приказчика табачного магазина с Рождественской, и Федула Петрова, десятника с Калашниковской набережной, удалось застать. Оба они про однофамильца ничего не знали и всячески от него открестились. Третий Петров, Силантий, обнаружился только к вечеру. Подрядчик крупной малярной артели, он весь день мотался по делам. Лыков прождал его два часа, пока маляры охрили стены Александровской городской барачной больницы на Военном поле. Подрядчик появился в девятом часу, пыльный и усталый. Артель уже пошабашила и собиралась в чайную. Узнав, что его давно дожидается неизвестный господин, Петров подошел с извинениями. Сыщик отвел его в сторону и показал свой билет. Подрядчик сразу напрягся.

– Скажите, Петр Орестович Петров, лакей с Кабинетской улицы, вам не родня?

– Петька-то? Двоюродный племянник, – ответил Силантий. – Мы из одной деревни, из Каменки. Что он натворил?

– Пропал от барина с его вещами.

– Вот тетерья голова! – артельщик с досады хлопнул себя картузом по ноге. – Вот крысеныш! Весь в тятьку своего!

– Вы когда его видели в последний раз?

– На Пасху приходил.

– Где нам искать его, не знаете?

– В Каменку мог убежать, дурень!

– Туда уже послано. Но если Петька в городе, где он еще может быть? Фурсетка у него есть?

– На фурсетку деньги нужны, а Петька жадный. По гулящим, знаю, ходил. По дешевым. А чтобы к одной…

– Товарищи?

– Если и есть, то мне неведомо.

Подрядчик отвечал на вопросы, а сам хмурился все больше. Потом спросил:

– Ваше высокоблагородие, ведь что-то здесь не так! Если Петька украл, то пришли бы сыскные. А тут из самого Департамента полиции!

– Его барина мертвым нашли, – понизив голос, пояснил Алексей. – С ножом в спине.

Силантий отшатнулся:

– Это не он! Петька не мог!

– Что, и ручательство даете?

Артельщик молча, с ужасом смотрел на Лыкова. Тот вынул свою визитную карту и протянул Петрову.

– Если вдруг он к вам явится или вы что о нем узнаете – немедленно сообщите!

С Александровского плаца надворный советник вернулся на Офицерскую. Шереметевского на месте не было, но он оставил для приятеля выписки. Порховской Петров числился в картотеке сыскной полиции лишь один, и это был Силантий! Три года назад он пытался дать взятку смотрителю здания Николаевской инженерной академии, чтобы получить подряд. Офицер денег не принял, да еще и заявление накатал. Ну, невелик грех… Дашевские в картотеке отсутствовали.

День завершился безынтересно.

Утром 9 июня губернский секретарь Валевачев приехал в департамент прямо с вокзала. Лыков дожидался его с нетерпением. Как только Юрий вошел, стало ясно, что он вернулся с пустыми руками.

– Ну, купил свиста?

– Точно так, Алексей Николаевич. Дома у него был, родителей повидал. Все кабаки обошел. Нет его там…

– И давно не появлялся?

– С Масленицы. Приезжал вид продлевать. С тех пор и не встречали Резаного Пальца.

– Какого такого пальца? – не понял Лыков.

– А у них там полдеревни Петровых, потому в ходу клички, – объяснил Юрий. – У Петьки прозвище – Резаный Палец. Ноготь он себе в детстве изувечил скобелем.

Алексей вскочил.

– Вот этот, на большом пальце правой руки?

– Да… А вы откуда знаете?

– Бегом за мной!

Лыков ворвался в морг Казанской части; его помощник семенил следом. Полицейский доктор Крашенинников снимал кожаный фартук, весь забрызганный кровью. Увидев сыщика, доктор ухмыльнулся:

– А! Поставщик покойников! Еще кого привезли?

– Нет, ваше эскулапство, старых навещаю. Где тут жмурики с костеобжигательного завода? Их так и не опознали?

– Вроде нет. Они в леднике до особого по ним распоряжения.

– Отведите!

Втроем они прошли в ледник. Крашенинников светил фонарем.

– Вот.

Лыков взял у доктора светильник и поднес к руке лакея.

– Видишь?

Валевачев вполголоса ахнул:

– Резаный Палец! Петр Орестов Петров!

– Кажется, мы одного опознали, – сообщил Алексей патологоанатому. – Надо убедиться.

Они вышли из ледника, доктор тщательно закрыл дверь. Могильный холод… Сыщик поежился, поблагодарил Крашенинникова и поспешил наверх. Сосредоточенный помощник шел следом.

Выйдя из морга, они остановились в задумчивости, потом Лыков сказал:

– Не зря ты, Юра, съездил в Каменку.

– Да…

– Лакей, оказывается, не убийца, а жертва. А настоящий душегуб подготовил нам его для ложного следа. И ведь чуть не съели!

Валевачев молча кивнул; слова застревали у него в глотке.

– Проведем опознание. Езжай к его дядьке Силантию и… Впрочем, нет. Ты проищешь его до вечера, как я вчера. Бери коридорного Дериглазова и вези его сюда. Надо все по новой начинать…

Следующий час Лыков просидел, как на иголках. Он был убежден в том, что убитый – Петров, но следовало убедиться в этом наверняка. Наконец явился губернский секретарь, положил на стол протокол и сказал:

– Он.

Алексей взял бумагу и пошел к Дурново. Тот принял его не сразу и в раздраженном настроении. Выслушав рапорт, Петр Николаевич еще больше нахмурился. Поводил туда-сюда своими моряцкими усами, пробежал глазами бумагу, подумал, глядя в окно. Потом объявил:

– Вам помогла случайность.

– Да, – охотно согласился Алексей.

– Значит, если бы Лыкову в воскресенье не захотелось подраться, мы искали бы Петрова как главного подозреваемого?

– Видимо, так.

– А через год прекратили бы дело за его нерозыском.

Надворный советник благоразумно промолчал.

– Славный, однако, фортель! Хочу познакомиться с этим хитрецом.

– Я тоже, Петр Николаевич.

– Ну, раз вы все это затеяли, вам и расхлебывать. Забирайте дело о покойниках с костеобжигательного завода у Вощинина. Объединяйте с дознанием убийства Дашевского, и – полный ход!

– Уберем все рифы, – пообещал Алексей, вспомнив лексикон Павла Афанасьевича, и откланялся. Уже выходя, он услышал, как Дурново сказал в телефон:

– Соедините меня с Вощининым!

Лыков совещался со своим помощником. Предстояло определить направление поиска. Первой было велено высказаться молодежи.

– Значит, так, – глубокомысленно начал Валевачев. – Мы имеем дело с умышленным убийством. Для запутывания розыска злодей пошел еще на одно убийство. Состряпал нам главного подозреваемого, а тело чуть не сжег в печке. Вывод: противник хитрый и безжалостный. Избавляясь от раненого сообщника, он хладнокровно его зарезал. И теперь на нем уже три смерти.

– Может, и четыре, – вставил Лыков. – Исчез барыга, через которого Снулый нанимал кочегаров.

– Но тела мы не нашли, – возразил помощник.

– Мало ли их пропадает бесследно? – парировал начальник.

– Хорошо, допускаю четыре убийства. Но три последних вытекают из первого. Его и надо дознавать. Мы не сможем этого сделать, пока не поймем мотив.

– Правильно. Какой мотив предполагаешь ты?

– Убийство с целью ограбления, – сразу же заявил Валевачев. – Несчастный лакей – подводчик, он и дверь открыл. Избавиться от него, видимо, решили с самого начала. И чтобы не делиться, и чтобы нас со следа сбить.

– А тебе не показалось, что на Кабинетской нечего было грабить? Небогато жил коллежский асессор…

– Сами же говорили, что в Петербурге резали и за меньшее!

– Ну, я имел в виду другие случаи. Убили мужика, у которого, по слухам, водились деньжата. Помнишь? На Песках. Или стукнули гирей по голове богатую вдову, как о прошлом годе. Просто и без затей. А тут целая операция. Подговорили лакея, бесшумно проникли в дом, сложили барина, слугу каким-то образом выманили наружу, кончили в другом месте и чуть не спалили. Нет, видна рука серьезного человека! А такой из-за пятиста рублей и со стула не встанет. Дашевский не подходит на роль богатой добычи.

Валевачев поморщился и спросил:

– А у вас какая версия?

– Или женщина, или служба.

– Хм. Женщина – понятно. Та загадочная дама, что приезжала на Кабинетскую. А служба? Там какой мотив? Карточные колоды не поделили?

– А ты хоть представляешь, чем состоящий в должности отличается от полновесного церемониймейстера?

– Ну…

– И чем вообще они занимаются?

– Это вы у нас камер-юнкер, на балы ходите, – хмыкнул помощник. – А нам, черной кости, не положено.

– Тогда слушай. Состоящий в должности – это кандидат на штатное место в составе придворных чинов. Но кандидаты бывают разные. Большинство так и состоят до самой отставки, не помышляя о переходе в штат. Звание свое они получили в виде поощрения. Оно дает право присутствовать на всех торжествах, связанных с императорской фамилией. И обычным карьерным чиновникам этого вполне достаточно. Они продолжают служить по своему ведомству, а когда их женам хочется пофорсить на балах, то мужья свое право реализуют. Совсем другое – штатные церемониймейстеры. Вся их служба, вся карьера проходят во дворце. Там, возле трона, в толпе других придворных – особая камерная жизнь. И кому-то не терпится туда попасть. Когда образуется вакансия, среди состоящих начинают выбирать такого. Большинству менять жизнь не хочется, но несколько оголтелых принимаются драться за место. Судя по словам Раевского, наш покойник этот конкурс выиграл. И вот мое предположение: а не перешел ли он при этом дорогу другим состоящим? Из числа оголтелых.

– Убийство на заказ? – встрепенулся Валевачев. – Когда мы изучали право, нам говорили, что это чуждый России вид преступления. В Италии их много, во Франции случаются. А в наших палестинах никогда!

– Много знают твои профессора! – фыркнул Лыков. – Был в Петербурге Сашка Офицер, и он любил выполнять подобные заказы. Но его в восемьдесят девятом зарезали, и с тех пор это баловство вроде как прекратилось. Вдруг Снулый решил его возродить? В сыскной такая кличка неизвестна. Видимо, новый человек, раньше его не было.

Губернский секретарь задумался.

– Честно говоря, не убедили вы меня, Алексей Николаевич. Но если правы… тогда надо заходить с двух сторон.

– Верно. Ищем и Снулого, и его заказчика.

– Заказчик – кто-то из состоящих в должности?

– По моей версии – да.

– Так их не очень и много! – повеселел Юрий.

Лыков развернул адрес-календарь за прошлый год.

– Сейчас сочтем. Церемониймейстеров было восемь, из них барон Будберг по весне умер. И освободил таким образом место.

– А сколько состоящих в должности?

– Таких чуть больше. Они же хлеба не просят! К Экспедиции церемониальных дел приписано состоящих двенадцать человек. Из них мы исключаем пятерых.

– Это почему же? – набычился Валевачев.

– Думаешь, чем больше – тем лучше? Эх, молодежь-холостежь… В тех шестерых, кто остался, десять раз заблудишься!

– Но почему пятерых сразу убрали? Объясните по-человечески.

– Потому что они живут и служат в провинции. А придворное звание получили в награду и навряд ли рвутся в штат. Вот, погляди. Князь Щербатов – подольский уездный предводитель дворянства, граф Гендриков – волочанский, а надворный советник Дурасов – пронский. Есть еще князь Васильчиков, тот вообще губернский предводитель в Новгороде. И последний – Леонтьев, вице-губернатор Уральской области. Зачем им убивать нашего парня?

– Пусть так, – согласился Валевачев. – Трудно представить, что граф Гендриков приехал из Волочанска, разыскал Снулого, дал ему денег за устранение Дашевского и вернулся домой… Но петербургские состоящие тогда все под подозрением! Их, вы сказали, семеро?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Гайменник – налетчик (жарг.). (Здесь и далее – примеч. автора.)

2

Горчишники – хулиганы.

3

Фраер – общее название жертвы (жарг.).

4

Штифты – глаза (жарг.).

5

П. С. Вощинин – в 1892 году начальник Петербургской сыскной полиции.

6

См. книгу «Мертвый остров».

7

«Пчельник» – трактир-притон, куда ходят только уголовные (жарг.).

8

«Красные» – воры (жарг.).

9

То есть при И. Д. Путилине, начальнике сыскной полиции.

10

Петух – пять рублей (жарг.).

11

То есть к врачу Казанской части.

12

Полковник Г. А. Власенко – в 1892 году начальник Петербургской речной полиции.

13

«Большой» Дурново – Иван Николаевич, министр внутренних дел. «Маленький» – его однофамилец, Петр Николаевич, директор Департамента полиции.

14

ОКЖ – Отдельный корпус жандармов.

15

И. А. Вышнеградский происходил из духовного звания.

16

6,5 мм.

17

И. И. Воронцов-Дашков – министр Двора и уделов.

18

См. книгу «Мертвый остров».

19

СЕИВ – Собственной Его Императорского Величества.

Купить: https://tellnovel.com/ru/nikolay-svechin/ubiystvo-ceremoniymeystera

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить